

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)**

***УДЕЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI ВЕКА:
ДМИТРИЙ УГЛИЦКИЙ И СЕМЕН КАЛУЖСКИЙ***

Выпускная квалификационная работа
по направлению подготовки 46.04.01. «История»
образовательная программа магистратуры ВМ.5543.2015 «История»
профиль: «История России до начала XX века»

Выполнил:

студент II курса

дневного отделения

Бородовский Александр Игоревич

Научный руководитель

д.и.н., профессор

Шапошник Вячеслав Валентинович

Санкт-Петербург

2017

Содержание

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Конец XV – начало XVI века можно назвать одним из переходных периодов в отечественной истории. К этому времени великое княжество Московское, избавившись от ордынской зависимости (1480 год) и подчинив себе главнейших в прошлом конкурентов (Новгород в 1478 году и Тверь в 1485 году), постепенно принимало новый облик – будущего Русского царства. Происходившие перемены в большей или меньшей степени затрагивали все основы жизни государства: внешнеполитическую, внутривнутриполитическую, социально-экономическую, духовную. Вот лишь некоторые ключевые

события рубежа веков: в 1497 году был составлен первый общерусский судебник; в 1498 году состоялось первое венчание на великое княжение Дмитрия Внука; во внешней политике шло противостояние с великим княжеством Литовским за обладание древнерусскими землями; в религиозной жизни – борьба церкви против ереси «жидовствующих», а затем и внутрицерковная полемика двух направлений, называемых обычно «нестяжатели» и «иосифляне».

Признавая справедливым большой интерес исследователей к новым явлениям данного периода, мы в то же время не должны забывать о явлениях архаичных, уходящих в прошлое. Одним из них были удельные княжества. Великий князь Иван III, хотя и получил известность как объединитель русских земель, не стал отказываться от удельной системы. В конце жизни он составил завещание, в котором определил владения своих четырех младших сыновей, их права и обязанности по отношению к старшему сыну Василию. Для каждого из них были выделены земли в удел из великокняжеских владений. Центром удела Юрия стал Дмитров, Дмитрия – Углич, Семена – Калуга, Андрея – Старица. Иван III ограничил власть удельных князей: например, им была запрещена чеканка собственной монеты, урезаны были их торговые права.

Исследование жизни и деятельности удельных князей первой трети XVI века мы считаем актуальной задачей. Во-первых, это позволит рассмотреть процесс создания централизованного Русского государства с противоположной стороны – не великого князя московского и его окружения, а правителей последних уделов. Во-вторых, это может быть полезно при изучении региональной истории России. Кроме того, обращение к отдельным событиям, связанным с удельными князьями, дает возможность затронуть самые разные направления отечественной истории: от военного до религиозного. Выбор в качестве героев нашей работы именно Дмитрия Углицкого и Семена Калужского обоснован их наименьшей изученностью. Объяснить это несложно: они оба умерли рано, еще при жизни Василия III, и,

следовательно, не участвовали в драматических событиях, развернувшихся в годы малолетства Ивана IV (в отличие от Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого). Тем не менее, мы считаем, что эти князья все же оставили след в истории нашей страны, который также достоин внимания.

Цель данной работы – составить наиболее подробное (насколько позволяют источники) описание жизни и деятельности князей Дмитрия Ивановича Углицкого и Семена Ивановича Калужского. Мы постараемся осветить следующие аспекты: участие удельных князей во внешнеполитических событиях (военные походы и дипломатия); внутренняя политика князей в своих уделах (земельная политика по отношению к церковным и светским землевладельцам, состав удельных дворов, память местного населения об этих князьях); их отношения с великим князем Василием III. Мы попробуем выяснить, участвовали ли князья Дмитрий Углицкий и Семен Калужский в политической борьбе в Московском государстве, пытались ли они сохранить реальную власть в своих уделах вопреки централизаторской политике великокняжеского правительства.

Работа состоит из трех глав. В первой главе приведен обзор источников и историографии по нашему вопросу. Две последующие главы представляют собой биографии соответственно Дмитрия Ивановича Углицкого и Семена Ивановича Калужского. В заключении сформулированы выводы, к которым мы пришли по результатам нашего исследования.

Глава I. Обзор источников и историографии

§ 1.1. Источники

Среди источников в первую очередь следует отметить летописные памятники. В нашей работе мы использовали следующие летописи:

Никоновскую¹, Воскресенскую², Типографскую³, Львовскую⁴, Ермолинскую⁵, Иоасафовскую⁶, Уваровскую⁷, Устюжскую⁸, Вологодскую⁹, Вологодско-Пермскую¹⁰, Новгородскую IV¹¹, Софийские I и II¹², Густынскую¹³, летопись из приложения к Хронографу 1512 года¹⁴, Владимирский¹⁵ и Погодинский¹⁶ летописцы, Казанскую историю¹⁷, литовскую хронику Быховца¹⁸. Все эти летописи так или иначе упоминают Дмитрия Углицкого и Семена Калужского. В них зафиксированы даты рождения и смерти князей, связанные с ними события общерусского значения (например, военные походы). При этом, внутренняя политика удельных князей в данных источниках не затронута. Из всех вышеупомянутых летописей выделяется Типографская, в которой содержится более подробный

¹ ПСРЛ. Т. 12, 13.

² ПСРЛ. Т. 8.

³ ПСРЛ. Т. 24.

⁴ ПСРЛ. Т. 20.

⁵ ПСРЛ. Т. 23.

⁶ Иоасафовская летопись / Под ред. А.А. Зимина, отв.ред. акад. М.Н.Тихомиров. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

⁷ ПСРЛ. Т. 28.

⁸ ПСРЛ. Т. 37.

⁹ Там же.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 26.

¹¹ ПСРЛ. Т. 43.

¹² ПСРЛ. Т. 6, 39.

¹³ ПСРЛ. Т. 40.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 22.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 30.

¹⁶ *Лурье Я.С.* Краткий летописец Погодинского собрания // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 431—444.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 19.

¹⁸ Хроника Быховца / Отв. ред. М.Н. Тихомиров; предисл., коммент. и пер. Н.Н. Улащика. М.: Наука, 1966.

рассказ о кончине и погребении Дмитрия Углицкого, в котором выражается отношение к своему князю местного населения¹⁹.

Наибольший интерес могли бы представлять для нашего исследования летописи Углича и Калуги. Однако местных летописей, близких по времени к жизни удельных князей, не сохранилось. Существует Угличский летописец – памятник провинциальной историографии последней трети XVIII века, созданный в старообрядческой среде²⁰. Составитель летописца во вступлении к нему заявлял, что использовал материалы старых источников, в том числе «древних летописи, аще и кратких, однако достоверных. Из них же некия и доньше еще хранятся и во обители преподобнаго Паисия Углицкаго в ризнице»²¹. Угличский летописец содержит ряд уникальных известий о князе Дмитрие Ивановиче. К ним, однако, следует относиться весьма осторожно, учитывая очень большой хронологический разрыв между деятельностью этого князя и составлением летописца. Необходимо сопоставлять его сведения с данными летописей XVI века. Во второй половине XIX века В. В. Ханьков и архимандрит Леонид (Кавелин) на материалах различных источников составили Калужскую летопись. Информации о князе Семене Ивановиче в ней содержится немного. Для нас представляет интерес приведенный в Калужской летописи текст записки из Лаврентьева монастыря о неприятельском нашествии на город при князе Семене²². Также имя Семена Ивановича упоминается в летописце Николаевского Антониева монастыря

¹⁹ ПСРЛ. Т. 24. С. 218-221.

²⁰ Угличский летописец / Отв. ред. А.А. Севастьянова; подгот. текста Я.Е. Смирнова. Ярославль, 1996. С. 5-9.

²¹ Там же. С. 18.

²² Летопись калужская от отдаленных времен до 1841 года / Составил В.В. Ханьков; сообщил архимандрит Леонид. М.: Изд. Имп. Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1878. С. 28-29.

(создан, вероятно, в конце XVII века), расположенного на территории, входившей в состав удела этого князя (Бежецкий Верх)²³.

Вторую важнейшую группу источников составляют акты материалы. Оба удельных князя упоминаются в дипломатических актах, опубликованных в «Сборнике Императорского Русского исторического общества». Эти акты касаются отношений Москвы с Польско-Литовским государством²⁴ и Крымским ханством²⁵. Чтобы попытаться восстановить внутреннюю политику князей в уделах, нам необходимо обратиться к актам по землевладению. Мы пользовались такими публикациями, как Акты Русского государства (Троице-Сергиев монастырь)²⁶, Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси²⁷, Акты феодального землевладения и хозяйства (Иосифо-Волоцкий²⁸ и Симонов²⁹ монастыри), Акты служилых землевладельцев³⁰, Русская историческая библиотека³¹, Угличские акты³². Данные источники помогают при изучении

²³ Гадалова Г.С. «Летописец о зачатии Бежецкого верха Николаевского Антониева монастыря...» как исторический источник о преподобном Антонии Краснохолмском // Историко-краеведческий альманах «Бежецкий край». Вып. № 10. Бежецк, 2014. С. 30-51.

²⁴ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год) / Изд. под ред. Г.Ф. Карпова. СПб., 1882.

²⁵ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордями и с Турцией. Т. I (с 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России) / Изд. под ред. Г.Ф. Карпова. СПб., 1884.

²⁶ Акты Русского государства 1505-1526 гг. / Сост. акад. С. Б. Веселовский. М.: Наука, 1975.

²⁷ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III / Отв. ред. проф. Л.В. Черепнин, том сост. И.А. Голубцовым. М.: Наука, 1964.

²⁸ Акты феодального землевладения и хозяйства. Часть вторая / Подг. к печати А.А. Зимин, отв. ред. Л.В. Черепнин. М.: Изд-во АН СССР, 1956.

²⁹ Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря / Сост. Л.И. Ивина. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983.

³⁰ Акты служилых землевладельцев XV—XVII века. Том I / Сост. А.В. Антонов, К.В. Баранов. М.: Археографический центр, 1997; Том II / Сост. А.В. Антонов. М.: Памятники исторической мысли, 1998.

³¹ Русская историческая библиотека. Т. 32: Архив П.М. Строева. Т. I. Пг., 1915.

³² Угличские акты. (1400-1749 г.г.) / Публ. и авт. предисл.: Сергей Шумаков. М., 1899.

взаимоотношений удельных князей с монастырями и светскими землевладельцами, позволяют уточнить время владения князей уделами, дают возможность узнать об их служилых людях. Следует, однако, учитывать, что до нас не дошло полного списка жалованных грамот удельных князей, поэтому реконструировать их внутреннюю (прежде всего, земельную) политику представляется возможным лишь в общих чертах.

Узнать о том, какое наследство получили Дмитрий Углицкий и Семен Калужский (в том числе о землях, вошедших в состав их уделов) можно из духовной грамоты (завещания) Ивана III, опубликованной в сборнике духовных и договорных грамот великих и удельных князей³³. Здесь же приведен текст духовной грамоты Дмитрия Ивановича Углицкого³⁴. Некоторые грамоты, регулировавшие отношения Василия III и его братьев, не сохранились, но об их наличии свидетельствуют описи Царского архива и Посольского приказа³⁵. Необходимо упомянуть также два послания князю Дмитрию Углицкому: от казанского царевича Петра Ибрагимовича (опубликовано в сборнике актов, собранных А. И. Юшковым)³⁶ и от Василия III (опубликовано в сборнике актов, собранных Археографической комиссией)³⁷.

Информацию об участии удельных князей в военных походах нам дают, помимо летописей, разрядные книги. В своей работе мы использовали два

³³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. / Подг. к печати Л.В. Черепнин, отв. ред. С.В. Бахрушин. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 353-364.

³⁴ Там же. 409-414.

³⁵ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. М.Н. Тихомирова и С.О. Шмидта. М.: Изд-во Вост. лит., 1960.

³⁶ Акты XIII - XVII вв., представленные в разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собрал и издал Александр Юшков. Часть I. 1257 - 1613 гг. М., 1898. С. 74.

³⁷ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. I. 1334-1598. СПб., 1841. С. 530-531.

издания разрядных книг³⁸. Кроме того, в разрядных книгах называются имена воевод князей, что помогает частично восстановить состав удельных дворов. Также при исследовании служилых корпораций удельных князей можно обратиться к дворовой тетради 1550-х годов³⁹.

Нужно отметить еще несколько источников, которые содержат сведения по интересующей нас теме. Некоторые моменты, связанные с удельными князьями, упоминает в своем сочинении «Записки о Московии» барон Сигизмунд фон Герберштейн, дипломат Священной Римской империи, дважды посещавший Россию в годы правления Василия III (в 1517 и 1526 годах)⁴⁰. О позиции детей великого князя Ивана III (в том числе Дмитрия Углицкого) на соборе 1503 года, когда обсуждался вопрос о церковно-монастырском землевладении, рассказывает «Слово иное» – памятник публицистики начала XVI века⁴¹. Дмитрий Углицкий и Семен Калужский упоминаются также в Житии Иосифа Волоцкого, включенном в Великие Минеи Четьи митрополита Макария⁴². Завершая обзор, мы можем сказать, что имена удельных князей Дмитрия Ивановича Углицкого и Семёна Ивановича Калужского можно встретить во многих источниках, однако ни один из них не дает относительно полной картины их жизни и деятельности. Только используя все вышеупомянутые источники и сопоставляя их данные между собой, можно прийти к определенным выводам.

³⁸ Разрядная книга 1475-1598 гг. / Подг. текста, вв. статья и ред. В.И. Буганова, отв. ред. акад. М.Н. Тихомиров. М.: Наука, 1966; Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. I. Ч. I / Сост. Н.Г. Савич; под ред. и с предисл. В.И. Буганова. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1977.

³⁹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подг. к печати А.А. Зимин. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

⁴⁰ *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. Т. I: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского и ранненововерхненемецкого; Т. II: Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты. Под ред. А. Л. Хорошкевич. Русские переводы с латинского А. И. Малеина и А. В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А. В. Назаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2008.

⁴¹ *Бегунов Ю.К.* «Слово иное» - новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. Т. 20. М.-Л.: Наука, 1964. С. 351-364.

⁴² Великие Минеи Четьи, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 1-13. Издание Археографической комиссии. СПб., 1868. С. 453-499.

§ 1.2. Историография

Обзор историографии об удельных князьях мы начнем с Дмитрия Ивановича Углицкого. Н. М. Карамзин рассказал о двух походах, в которых русским войском командовал Дмитрий – на Смоленск в 1502 году и на Казань в 1506 году. Оба эти похода оказались неудачными, причем в поражении под Казанью Н. М. Карамзин винит непосредственно углицкого князя, который, как обратил внимание историк, «с того времени уже не бывал никогда начальником рати»⁴³. Те же походы затрагивал в своем сочинении и С. М. Соловьев⁴⁴. Этому историка отличал более критический подход к источникам: если Н. М. Карамзин при описании похода 1506 года доверял сведениям Казанской истории, то С. М. Соловьев находил данный источник малодостоверным⁴⁵. Кроме военной деятельности Дмитрия Ивановича, С. М. Соловьев коснулся также вопроса его отношений с Василием III. Исследователь привел пересказ речей, которые приближенный великого князя Иван Шигона должен был сказать Дмитрию Углицкому от лица Василия III. По замечанию С. М. Соловьева, этот источник показывает, что великий князь выступал против традиционных прав удельных князей, при этом опираясь на «старину, по которой младшие братья должны были считать старшего отцом»⁴⁶.

Как мы видим, классиков российской исторической науки Дмитрий Иванович Углицкий интересовал не сам по себе, а только в связи с какими-либо более важными проблемами (войны с Литвой и Казанью, усиление великокняжеской власти). Несколько иначе обстояло дело в краеведческой литературе. Еще в первой половине XIX века Ф. Х. Киссель опубликовал труд по истории Углича. Используя в качестве одного из источников Угличский

⁴³ Карамзин Н.М. Полная история государства Российского в одном томе. М.: АСТ; Астрель, 2010. С. 787, 809-810.

⁴⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. 1463-1584. Кн. III. Тома 5-6. М.: АСТ, 2008. С. 148, 285-286.

⁴⁵ Там же. С. 501-502.

⁴⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. 1463-1584. С. 371.

летописец, Ф. Х. Киссель дает положительную оценку Дмитрию Ивановичу: по словам краеведа, это был «храбрейший и благоразумнейший из князей», который пользовался любовью и уважением Василия III. Автор не скрывает от читателя военных неудач углицкого князя, однако допускает, что, возможно, «обстоятельства извиняют его»⁴⁷. Следует упомянуть также работу А. В. Экземплярского об углицких князьях. Заключительная глава данного исследования посвящена Дмитрию Ивановичу. Однако в ней говорится почти исключительно о военных походах князя, а не о его внутренней деятельности в Угличе. А. В. Экземплярский писал, что Дмитрий был «последним угличским князем с тенью прав князя владетельного». Вероятно, это указание на «тень прав» означает, что историк не считал Дмитрия Ивановича обладателем всей полноты власти в своем уделе. Также А. В. Экземплярский в своем труде упомянул духовную грамоту Дмитрия Углицкого, указав, что раньше ее ошибочно приписывали Дмитрию Внуку⁴⁸.

Среди советских исследователей, изучавших проблемы удельных княжеств, следует выделить А. А. Зими́на и С. М. Каштанова. Оба историка не обошли вниманием и Углицкий удел времен правления Дмитрия Ивановича. А. А. Зимин в своей статье перечислил известные события из жизни Дмитрия Углицкого и дошедшие до нас его жалованные грамоты. Также исследователь попытался восстановить состав двора этого князя. А. А. Зимин пришел к выводу, что среди служилых людей Дмитрия почти не было представителей знатных фамилий⁴⁹. В работах С. М. Каштанова особое место уделяется иммунитетной политике великого и удельных князей, которую историк связывает с политической борьбой. С. М. Каштанов показал, как с помощью выдачи жалованных грамот (главным образом, монастырям) Дмитрий Углицкий пытался укрепить свой удел. Это приводило к

⁴⁷ Киссель Ф.Х. История города Углича. Ярославль, 1844. С. 198-202.

⁴⁸ Экземплярский А.В. Угличские владетельные князья. Ярославль, 1889. С. 70-73.

⁴⁹ Зимин А.А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. //История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М.: Наука, 1977. С. 166-169.

конфликтам Дмитрия не только с Василием III, но и с другим старшим братом, Юрием Дмитровским⁵⁰. Начало соперничества между братьями С. М. Каштанов относит еще к последним годам жизни Ивана III. Интересно, что назначение Дмитрия командующим во время смоленского похода 1502 года исследователь трактует как высылку будущего угличского князя из Москвы из-за его возможных интриг против отца и брата Василия⁵¹. Углицкий удел изучался также Л. И. Ивиной. Исследовательница пришла к выводу об активном развитии поместного землевладения при Дмитрие Ивановиче и привела некоторые новые данные о служилых людях, входивших в состав двора Дмитрия Углицкого⁵².

В качестве примеров современной историографии о Дмитрие Углицком можно привести статьи В. Д. Назарова и Ю. Б. Куницыной. В. Д. Назаров дает биографическую справку о князе, упоминая как его участие во внешнеполитических делах, так и внутреннюю политику в своем уделе. Автор статьи указывает, что Дмитрий был защитником интересов населения своего удела, в том числе в случае конфликтов с великокняжескими людьми. Забота угличского князя о своих людях проявляется в его завещании, причем покровительство Дмитрия Ивановича касалось разных слоев населения: и духовенства, и бояр с боярскими детьми, и приказных людей⁵³. В биографической статье Ю. Б. Куницыной показано неоднозначное положение Дмитрия: с одной стороны, его власть была серьезно ограничена в пользу великого князя, с другой – у него все еще были свой двор и своя дружина. Исследовательница отмечает значительное богатство углицкого князя, перечисленное в его духовной грамоте. По предположению Ю. Б. Куницыной, именно способность Дмитрия к накоплению богатств могла

⁵⁰ *Каштанов С.М.* Из истории последних уделов // Тр. МГИАИ. Т. 10. М., 1957. С. 289-291, 293-296.

⁵¹ Там же. С. 282.

⁵² *Ивина Л.И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в.: Историко-географическое исследование по материалам монастырей / Л.И. Ивина; отв. ред. Н.Е. Носов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. С. 70.

⁵³ *Назаров В.Д.* Дмитрий Иванович // Православная энциклопедия. Т. XV. М., 2007. С. 442-444.

принести ему прозвище «Жилка»⁵⁴. Помимо этих статей, можно указать несколько работ по внешнеполитической истории, где затронуты военные походы Дмитрия Углицкого. Так, смоленский поход описывается в книгах Ю. Г. Алексеева⁵⁵, М. М. Крома⁵⁶, статье В. В. Пенского⁵⁷, казанский поход – в кандидатской диссертации А. В. Аксанова⁵⁸.

Обратимся теперь к историографии о Семене Ивановиче Калужском. В классических трудах Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева упоминаются два важных события, связанные с этим князем: его попытка бежать в Литву (1511 год) и участие во взятии Смоленска (1514 год)⁵⁹. Первый эпизод позволяет Н. М. Карамзину охарактеризовать Семена как легкомысленного человека с пылким нравом⁶⁰. Другое событие из жизни калужского князя интересовало главным образом историков церкви. Еще в начале XIX века архимандрит Амвросий (Орнатский) в своей работе пересказал текст записки из Калужского Лаврентьева монастыря. В ней говорилось о нашествии на Калугу «агарян» в 1512 году, битве с ними князя Семена и его победе благодаря помощи юродивого Лаврентия⁶¹. Последующие исследователи, например, архимандрит Леонид (Кавелин), сопоставляли этот эпизод с летописными сведениями о нашествии крымских татар на русские земли в

⁵⁴ Куницына Ю.Б. С тенью прав князя владетельного... // Угличе Поле. Углич, 2013. № 18. С. 48-53.

⁵⁵ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. 2-е изд. СПб.; Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. С. 426-430.

⁵⁶ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. / М.М. Кром. 2-е изд., испр. и доп. М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. С. 207-210.

⁵⁷ Пенской В.В. «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 году. // Военно-исторический журнал. М., 2012. № 10. С. 73-79.

⁵⁸ Аксанов А.В. Московско-казанские отношения (1445-1552 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Тюм. гос. ун-т, Тюмень, 2011. С. 111-122.

⁵⁹ Карамзин Н.М. Полная история государства Российского в одном томе. С. 824-825, 829; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. 1463-1584. С. 318, 370-371.

⁶⁰ Карамзин Н.М. Полная история государства Российского в одном томе. С. 824.

⁶¹ Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. Ч. VI. М., 1815. С. 1019-1020.

1512 году⁶². Однако церковных авторов эта битва интересовала исключительно в связи с историей Лаврентьева монастыря и жизнью юродивого Лаврентия.

Только накануне революции калужский исследователь Д. П. Богданов предпринял попытку создать биографию князя Семена Ивановича. Его статья интересна, в частности, тем, что автор использовал не только письменные источники, но также устные (предание о пожаловании князем иконы в Ильинскую церковь) и изобразительные (иконописные изображения князя в некоторых калужских церквях)⁶³. Д. П. Богданов подчеркивает высокие личные качества Семена Калужского: храбрость, благочестие, нищелюбие. Однако реальной политической властью Семен Иванович практически не обладал, более походя на помещика, чем на полноправного князя. Агенты Василия III следили за каждым намерением Семена, этим и объясняется неудача его побега. Участие калужского князя в смоленском походе вместе с Василием III исследователь также трактует как проявление его несамостоятельности. Подводя итог, Д. П. Богданов писал: «Князь Симеон был только призрачный властелин, носил только громкий титул удельного князя, пользовался известными атрибутами внешнего почета, имел княжеский двор, но был на самом деле почти совершенно лишен реальной политической самостоятельности». Схожие суждения можно найти в статье другого калужского краеведа, Д. И. Малинина, опубликованной уже в советское время. Он указывал на политическую и экономическую слабость Семена Ивановича, который «по своему реальному положению был только крупным помещиком»⁶⁴.

⁶² Леонид (Кавелин). Историческое описание Калужского Лаврентьева монастыря, нынешнего Калужского архиерейского дома, и принадлежащей к оному Крестовской церкви. Калуга, 1906. С. 10-11.

⁶³ Богданов Д.П. Князь Симеон Иоаннович Калужский. // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Вып. XXII. 1913 год. Изд. под ред. В.И. Асонова. Калуга, 1914. С. 3-14.

⁶⁴ Малинин Д.И. Из Калужской старины. Вып. 1. Калужское общество истории и древностей. Калуга, 1925. С. 21-23.

С. М. Каштанов рассмотрел жалованные грамоты из Бежецкого удела, который, как и Калуга, принадлежал Семену Ивановичу. Историк пришел к выводу, что Семен получил этот удел не сразу после смерти отца, а только к 1509 году. Однако в конце того же года Семен Иванович был отозван в Москву, а в 1511 году (после попытки бегства Семена) Бежецкий удел снова перешел к великому князю⁶⁵. Некоторые предположения С. М. Каштанова показали неубедительными А. А. Зимину. Он усомнился в том, что Семен Иванович получил удел лишь в 1509 году и уже в том же году был отозван из него. Восстановить состав двора калужского князя, по словам А. А. Зимина, возможно лишь приблизительно. А. А. Зимин обнаружил, что в уделе Семена Ивановича служили представители Оболенских и Ярославских княжат, но только младших ветвей⁶⁶. Стоит отметить, что и С. М. Каштанов, и А. А. Зимин полагали, что к ранней смерти Семена Калужского мог быть причастен Василий III⁶⁷.

Существенный интерес для нашей темы представляет статья С. Н. Кистерова. Он рассмотрел вопрос о времени создания удела Семена Ивановича и поддержал точку зрения А. А. Зимина, который, в отличие от С. М. Каштанова, относил это событие к 1507 году. При этом исследователь отверг положение, поддерживаемое и А. А. Зиминим, и С. М. Каштановым, о том, что власть князя Семена была лишь номинальна. Потерю удела Семеном С. Н. Кистерев относил к 1511 или 1512 году, причем автор привел новые источники, доказывающие, что князь лишился всего удела⁶⁸.

Князь Семен Иванович упоминается и в некоторых работах современных историков. В Калуге А. Ф. Жохов опубликовал научно-

⁶⁵ *Каштанов С.М.* Из истории последних уделов. С. 289-291.

⁶⁶ *Зимин А.А.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. С. 177-179.

⁶⁷ *Каштанов С.М.* Из истории последних уделов. С. 293-294; *Зимин А.А.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. С. 178.

⁶⁸ *Кистерев С.Н.* К истории калужско-бежецкого удела в начале XVI века // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: сборник статей / Академия наук СССР, Институт истории СССР; отв. ред. Тартаковский А.Г. М., 1990. С. 16-20.

методическое пособие о князе и о городе в его время. Автор указал источники, привел данные историографии и высказал собственное мнение по некоторым вопросам. Например, А. Ф. Жохов не согласился с утверждением об экономической слабости калужского князя. Отрицает А. Ф. Жохов и политическое бесправие Семена Ивановича, называя его полновластным хозяином своего удела. Однако участие Семена в общегосударственных делах было лишь номинальным, хотя, по словам исследователя, «калужский князь, так же как и его братья, стремился к соучастию в управлении великим княжеством»⁶⁹. Личность князя Семена представляется А. Ф. Жохову несколько противоречивой: с одной стороны, он был нерешительным и боялся брата (попытка бегства в Литву), с другой, мог проявлять доблесть (сражение с татарами)⁷⁰. Также в своей работе А. Ф. Жохов дает краткий обзор боярских родов, связанных с Калужским княжеством⁷¹. Помимо исследования А. Ф. Жохова, существует несколько статей, в которых рассматривается сражение 1512 года. Они принадлежат В. А. Волкову⁷², И. Е. Горолевичу⁷³, В. А. Иванову⁷⁴.

Кроме того, следует назвать еще несколько работ новейшей историографии, в которых затронуты вопросы, связанные с удельными

⁶⁹ Жохов А.Ф. Калуга XVI века и князь Симеон /Андрей Жохов; М-во образования, культуры и спорта Калуж. обл., Калуж. обл. ин-т повышения квалификации работников образования. Калуга: КОИПКРО, 2008. С. 34-38.

⁷⁰ Так же. С. 54.

⁷¹ Там же. С. 48-52.

⁷² Волков В.А. Битва на Оке 1512 года. Русский потомок Палеологов Семен Иванович Калужский и Христа ради юродивый Лаврентий. // X Пасхальные чтения: материалы Десятой научно-методической конференции "Гуманитарные науки и православная культура" / М-во образования и науки Российской Федерации, Московский пед. гос. ун-т, Ист. фак., Филологический фак., Учеб.-науч. филологический центр. М., 2012. С. 157-161.

⁷³ Горолевич И.Е. «Сеча на водах Оки» у города Калуги в 1512 году. // Военно-исторический журнал. М., 2012. № 5. С. 76-78.

⁷⁴ Иванов В.А. Святой праведный Лаврентий Калужский и монастырь его имени (некоторые итоги и задачи изучения). // Монастыри в жизни России. Материалы научной конференции, посвященной 600-летию преподобного Пафнутия Боровского и 550-летию основания им Рождества Богородицы Пафнутьев-Боровского монастыря (19-20 апреля 1994 года). Составитель В.И. Осипов. Калуга; Боровск, 1997. С. 224-226.

князьями: кандидатскую диссертацию М. М. Бенцианова о территориальных корпорациях служилых людей конца XV – первой половины XVI века⁷⁵, докторскую диссертацию А. Ю. Савосичева о дьячестве XIV – XVI веков⁷⁶, биографию Василия III, написанную А. И. Филюшкиным⁷⁷.

Подводя итог историографическому обзору, мы можем сказать, что работ, посвященных непосредственно Дмитрию Углицкому и Семену Калужскому, сравнительно немного. Более 100 лет назад Д. П. Богданов писал о герое своего исследования, что он «принадлежит к разряду тех многочисленных исторических фигур, имена которых сами по себе очень мало говорят потомкам и представляют интерес только для таких любителей исторической науки, которые привыкли явления прошлого освещать не одними лишь фактами первостепенной важности, но и не пренебрегать мелкими данными старины, представляющими из себя порой ценный и незаменимый материал для исследования многих животрепещущих вопросов отдаленного прошлого»⁷⁸. Эти слова исследователя вполне можно применить и к современной историографии. Тем не менее, следует заметить, что отдельные стороны деятельности удельных князей были изучены более подробно. Мы имеем в виду прежде всего военные походы и земельную политику князей.

⁷⁵ Бенцианов М.М. Государев двор и территориальные корпорации служилых людей русского государства в конце XV – середине XVI в.: дисс. ... канд. ист. наук. РАН, Уральское отд., институт истории и археологии, Екатеринбург, 2000.

⁷⁶ Савосичев А.Ю. Дьяки и подьячие XIV-XVI веков: происхождение и социальные связи. Том 1: дисс. ... докт. ист. наук. ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», Орел, 2015.

⁷⁷ Филюшкин А.И. Василий III. М.: Молодая гвардия, 2010.

⁷⁸ Богданов Д.П. Князь Симеон Иоаннович Калужский. С. 1.

Глава II. Князь Дмитрий Иванович Углицкий

Дмитрий, третий сын великого князя Ивана Васильевича и Софьи Палеолог, родился 6 октября 1481 (6990) года, как отмечают летописцы, на память святого апостола Фомы. Крещение состоялось 26 октября⁷⁹. Эта дата позволяет установить, что будущий углицкий князь получил имя в честь святого Димитрия Солунского⁸⁰.

В 10-летнем возрасте Дмитрий Иванович появляется на страницах сразу нескольких источников. Один из них – это Угличский летописец. Он сообщает, что в 7000 (то есть 1491/92) году, после смерти в заключении углицкого князя Андрея Васильевича, Иван III отправил его сыновей в заточение, а в Углич послал наместников, чтобы они правили до совершеннолетия Дмитрия Ивановича. Как полагает создатель Угличского летописца, великий князь уже тогда определил Углич во владение своего сына Дмитрия: «Град ему отдан во юности, по смерти стряя своего». Однако «ему же бо тогда юну суцу и правити престола не возмогошу»⁸¹. Но не следует забывать, что Угличский летописец – очень поздний источник. В летописях XVI века мы не находим подтверждений, что Дмитрий Иванович столь рано получил Углицкий удел, пусть даже только номинально. С. М. Каштанов в одной из своих работ доказывает, что в 1490-е годы на земли бывшего Углицкого княжества, которые находились теперь в составе

⁷⁹ ПСРЛ. Т.12. С. 213; Иоасафовская летопись. С. 123.

⁸⁰ Назаров В.Д. Дмитрий Иванович. С. 442; Куницына Ю.Б. С тенью прав князя владетельного... С. 48.

⁸¹ Угличский летописец. С. 45.

великокняжеских владений, претендовал старший из живущих сыновей Ивана III, Василий⁸². К тому же, Угличский летописец содержит фактическую ошибку. Князь Андрей Васильевич Углицкий в 1491 году был арестован по приказу Ивана III, но умер он несколько позже, в ноябре 1493 года⁸³. Чем же тогда объясняется наличие подобных сведений в Угличском летописце? Можно предположить, что автор летописца хотел показать историю Углича как непрерывное чередование князей, поэтому и поставил Дмитрия Ивановича сразу после Андрея Васильевича⁸⁴.

Достоверность второго источника, упоминающего Дмитрия Ивановича, несомненна. Это описание посольства в Москву от великого князя литовского и польского короля Казимира IV (май 1492 года). На приеме у Ивана III посол Войтко Ключко передал поклоны от короля и королевичей детям великого князя: не только Василию и Юрию, присутствовавшим рядом с отцом, но и Дмитрию, которого «в ту пору у великого князя не было» (также заочно поклон был передан другому Дмитрию Ивановичу, внуку Ивана III)⁸⁵. Перед отправкой посла обратно, ему, в свою очередь, также было сказано передать поклоны, в том числе и от Дмитрия⁸⁶. В ноябре того же года к Ивану III прибывает посольство от Александра Казимировича, ставшего великим князем литовским после смерти своего отца. На этот раз оба Дмитрия, и сын, и внук, уже присутствуют на приеме, и посол Станислав Глебович передает им поклоны лично⁸⁷. С этого момента имя будущего углицкого князя неоднократно появляется в актах, описывающих дипломатические

⁸² *Капитанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI века. М.: Наука, 1967. С. 77, 148.

⁸³ *Зимин А.А.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. С. 164.

⁸⁴ Следует отметить, что московский наместник Фома Колычев, правивший в Угличе после смерти Дмитрия, в летописце тоже именуется князем (Угличский летописец. С. 46).

⁸⁵ Сборник РИО. Т. 35. С. 57.

⁸⁶ Там же. С. 60.

⁸⁷ Там же. С. 72.

церемонии. Это посольства от великого князя Александра, возглавляемые Войтко Яновичем (сентябрь 1493 года)⁸⁸, Петром Яновичем (январь 1494 года)⁸⁹, Яном Лютаваром Хребтовичем (август 1494 года)⁹⁰, Адамом Якубовичем (ноябрь 1494 года)⁹¹ а также ответное посольство Александру от Ивана III во главе с князьями Василием Ивановичем Патрикеевым и Семеном Ивановичем Ряполовским (март 1494 года)⁹² и несостоявшееся посольство во главе с Иваном Беклемишевым, направленное еще Казимиру в мае 1492 года⁹³. Почти во всех вышеперечисленных актах имя Дмитрия Ивановича стоит после старших братьев Василия и Юрия и перед племянником Дмитрием Внуком. Исключением является посольство Войтко Яновича, где Дмитрий Внук указан прежде Дмитрия-сына.

В январе 1495 года дочь Ивана III Елена выходила замуж за великого князя литовского Александра Казимировича. В Москву за невестой отправилось посольство, возглавляемое князем Александром Юрьевичем Ольшанским, Яном Юрьевичем Заберезинским и Юрием Зиновьевичем. Ян Заберезинский передал поклоны детям великого князя, в том числе и Дмитрию. В свою очередь, в Литву с Еленой Ивановной были отправлены послами князь Семен Иванович Ряполовский и Михаил Яковлевич Русалка. Последний должен был передать, в числе прочего, такие слова: «Сын великого князя, князь Дмитрей, тебе великому князю Александру велел челом ударити»⁹⁴. Далее имя Дмитрия упоминается в нескольких дипломатических актах. Нужно отметить литовское посольство Станислава Петряшковича

⁸⁸ Там же. С. 108.

⁸⁹ Там же. С. 112.

⁹⁰ Там же. С. 145.

⁹¹ Там же. С. 157.

⁹² Там же. С. 138.

⁹³ Там же. С. 61.

⁹⁴ Сборник РИО. Т. 35. С. 160-165.

Стромилова (май 1495 года – здесь поклон передает не только великий князь Александр, но и великая княгиня Елена)⁹⁵, а также русские посольства: Бориса Васильевича Кутузова и Андрея Майка (август 1495 года)⁹⁶, Микулы Ангелова (ноябрь 1497 года)⁹⁷, князя Василия Ромодановского и Василия Кулешина (март 1498 года)⁹⁸. Кроме поклонов, Дмитрий (как и его братья) передавал Елене «поминки» (подарки). Имя Дмитрия Ивановича в этих документах обычно стоит, как и раньше, после старших братьев и перед Дмитрием Внуком. Однако в посольстве Ромодановского и Кулешина Дмитрий Внук упомянут прежде не только Дмитрия-сына, но и всех остальных сыновей Ивана III (что несложно объяснить, так как в феврале 1498 года Дмитрий Внук был официально объявлен наследником и венчан на великое княжение). Вероятно, Дмитрий Иванович участвовал также и в некоторых других церемониях. Так, летописец отмечает, что во время прибытия в Москву великой княгини рязанской Анны Васильевны (сестры Ивана III) в августе 1497 года среди встречающих были дети великого князя⁹⁹. В феврале 1498 года дети Ивана III присутствовали на великокняжеском венчании Дмитрия Внука (хотя по имени из них летописец называет только Юрия Ивановича)¹⁰⁰.

Заслуживает внимания упоминание о Дмитрие Ивановиче в Погодинском летописце, помещенное под 1499 (7007) годом. В нем сообщается, что 29 июля этого года Иван III объявил своего старшего сына Василия великим князем и пожаловал его Новгородом, а два других сына,

⁹⁵ Там же. С. 188.

⁹⁶ Там же. С. 204-205.

⁹⁷ Там же. С. 239.

⁹⁸ Там же. С. 250.

⁹⁹ ПСРЛ. Т.12. С. 245.

¹⁰⁰ Там же. С. 248.

Юрий и Дмитрий, получили соответственно Дмитров и Углич¹⁰¹. Исследователи по-разному оценивали эту запись. В. Д. Назаров отрицает данное сообщение как недостоверное и полагает, что Иван III, по всей видимости, определил (но еще не передал) Углицкий удел Дмитрию только в 1502 году, после победы Василия в династической борьбе и ареста Дмитрия Внука¹⁰². С. М. Каштанов допускает, что в данной записи мог отразиться реально существовавший проект пожалования младших братьев Василия Ивановича уделами с целью урегулирования конфликтов внутри великокняжеской семьи (возможно, для нейтрализации притязаний Василия на территории бывших удельных княжеств). Рассмотрев политику земельного иммунитета, ученый пришел к выводу, что Юрий действительно мог владеть некоторое время Дмитровом в 1499 году, однако никаких доказательств владения Дмитрием Угличем в это время С. М. Каштанов не обнаружил. Косвенные признаки позволяют предположить, что, возможно, Дмитрию изначально предназначалась Вологда¹⁰³. В 1502 году, по мнению С. М. Каштанова, имел место второй проект раздачи уделов младшим сыновьям, возникший, как и первый, с целью нейтрализации территориальных претензий Василия. Как предполагает исследователь, и этот проект не был претворен в жизнь¹⁰⁴. А. И. Филюшкин также считает проект 1499 года реальным. Причины его появления историк видит в отношениях внутри великокняжеской семьи: «Тем государь напоминал, что Василий – не единственный его сын и в качестве преемника ему вполне можно подобрать замену»¹⁰⁵. В своей работе мы не будем отдельно рассматривать

¹⁰¹ *Лурье Я.С.* Краткий летописец Погодинского собрания. С. 443.

¹⁰² *Назаров В.Д.* Дмитрий Иванович. С. 442. Под 1502 (7010) годом Погодинский летописец сообщает об отпуске Юрия и Дмитрия отцом на свои уделы (*Лурье Я.С.* Краткий летописец Погодинского собрания. С. 443).

¹⁰³ *Каштанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI века. С. 145-146.

¹⁰⁴ *Каштанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI века. С. 182.

¹⁰⁵ *Филюшкин А.И.* Василий III. С. 35.

династическую борьбу на рубеже веков, поскольку не существует прямых свидетельств об участии в ней героев нашего исследования: Дмитрия Углицкого и, тем более, его младшего брата Семена Калужского. Тем не менее, мы полагаем, что информацию Погодинского летописца не следует просто игнорировать. Опубликовавший этот памятник Я. С. Лурье отметил, что летописец донес до нас сведения, не сохранившиеся в других источниках из-за цензуры великого князя (Василий III стремился устранить известия о политической борьбе в конце правления своего отца)¹⁰⁶. Но все-таки здесь речь идет, скорее всего, именно о проектах пожалования уделами. Реально Дмитрий (так же, как и Юрий) получил в распоряжение свой удел несколько позже.

В 1502 году 20-летний Дмитрий Иванович был впервые показан в источниках как самостоятельное действующее лицо. В этом году будущий князь Углича был послан во главе войска на взятие города Смоленска в ходе русско-литовской войны. Эта война, известная в историографии как Вторая Литовская, началась в 1500 году. Непосредственным поводом к войне был переход из великого княжества Литовского на службу к Ивану III князей Василия Шемячича и Семена Можайского (апрель 1500 года)¹⁰⁷. Ключевым событием первого года войны стала битва у реки Ведроши (14 июля), завершившаяся разгромом литовского войска. По словам Ю. Г. Алексеева, «кампания 1500 года была выиграна одним сражением». Москва овладела стратегической инициативой на всем театре военных действий¹⁰⁸. Однако уже в следующем году боевые действия шли менее успешно для Московского государства. В войну на стороне Литвы вступила Ливония, в результате чего Ивану III пришлось разделить силы между двумя фронтами. Кроме того, в Северские земли вторгся другой союзник Литвы, хан Большой Орды Шейх-Ахмед. Из событий 1501 года на литовском фронте наиболее значимым

¹⁰⁶ Лурье Я.С. Краткий летописец Погодинского собрания. С. 435-436.

¹⁰⁷ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 373.

¹⁰⁸ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III.. С. 387-394.

была попытка взять Мстиславль, которая, однако, оказалась неудачной. Целью кампании 1502 года стал Смоленск¹⁰⁹.

Возникает вопрос, почему командующим войском в смоленском походе великий князь поставил именно Дмитрия Ивановича? Оригинальное мнение на этот счет высказал в одной из своих ранних статей С. М. Каштанов. Как предположил историк, это была своего рода высылка Дмитрия из столицы. С. М. Каштанов отмечает, что в апреле 1502 года старший сын Ивана III Василий получил не только великое княжение, но и Углицкий удел: сохранилась грамота Василия Ивановича одному из углицких монастырей от июня того же года. Дмитрий уже тогда мог претендовать на Углич. Он стал интриговать против отца и брата, после чего Иван III решил отдалить Дмитрия от Москвы, отправив его в поход на Литву¹¹⁰. Версия С. М. Каштанова вызывает интерес, но все же представляется нам недостаточно убедительной. Во-первых, у нас нет никаких доказательств, указывающих на недовольство Дмитрия политикой отца по разделению уделов. Можно вспомнить несостоявшийся проект наделения Дмитрия уделом 1499 года. Однако, здесь вся инициатива исходила от Ивана III. Ни о каких претензиях самого Дмитрия в данном случае речи не идет. Вряд ли он вообще играл какую-либо самостоятельную роль в политических событиях того времени. Дополнительным аргументом против версии о конфликте будущего углицкого князя с отцом и братом является позиция Дмитрия Ивановича на церковном соборе 1503 года, о чем мы подробнее скажем ниже. Во-вторых, если предположить, что Дмитрий действительно представлял угрозу (или, по крайней мере, вызывал подозрения у Ивана III), было бы весьма непредусмотрительно ставить его во главе крупного военного похода, имевшего на тот момент решающее значение для хода войны. Вероятно, если бы великий князь видел в Дмитрие опасность для себя или наследника, наказание было бы совсем другим: можно вспомнить судьбу Дмитрия Внука,

¹⁰⁹ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 206-207.

¹¹⁰ Каштанов С.М. Из истории последних уделов. С. 282.

или предыдущего углицкого князя Андрея Васильевича Большого. Исходя из вышесказанного, мы не можем согласиться с С. М. Каштановым относительно причин назначения Дмитрия Ивановича командующим смоленским походом. Вряд ли можно принять и утверждение углицкого краеведа Ф. Х. Кисселя, объяснявшего этот факт высокими личными качествами Дмитрия¹¹¹. Действительно, в Угличском летописце говорится о храбрости этого князя¹¹², однако нет сведений, чтобы он успел проявить себя до 1502 года. По нашему мнению, назначение Дмитрия командующим могло иметь скорее символический характер: сам факт, что во главе войска стоял сын великого князя, подчеркивал значимость этого похода. Скорее всего, здесь важна была не личность Дмитрия Ивановича, а именно его статус как члена великокняжеской семьи. Наличие во главе похода сына Ивана III могло воодушевить войско и способствовать его сплочению. В этом смысле фигура Дмитрия была удобна тем, что он, в отличие от старших братьев, скорее всего не участвовал в политической борьбе, развернувшейся при дворе великого князя на рубеже веков¹¹³.

Разумеется, Дмитрий, не имевший до этого боевого опыта, не мог руководить походом самостоятельно. Разрядные книги донесли до нас имена воевод, которым, вероятно, и принадлежало фактическое руководство при формальном командовании Дмитрием. В большом полку, помимо Дмитрия Ивановича, были воеводы Василий Данилович Холмский и Яков Захарьевич. Передовой полк возглавляли выходцы из Литвы князь Семен Иванович Стародубский и Василий Иванович Шемячич, с ними были воеводы Ивана III князь Василий Семенович Ряполовский Мних и Иван Михайлович Репня-

¹¹¹ Киссель Ф.Х. История города Углича. С. 200.

¹¹² Угличский летописец. С. 45.

¹¹³ Прямых сведений об участии в этой борьбе Юрия Ивановича также нет, однако по ряду признаков можно предположить, что будущий дмитровский князь играл определенную роль в этих событиях: например, он участвовал в венчании на великое княжение Дмитрия Внука, во время церемонии осыпая того золотыми и серебряными монетами. По мнению С. М. Каштанова, в период опалы Василия Юрьевича мог даже замещать великого князя в случаях его отсутствия в Москве (*Каштанов С.М.* Из истории последних уделов. С. 279). Не следует забывать и о том, что впоследствии на церковном соборе Юрий занял особую позицию, отличную от взглядов Ивана III и Василия (см. об этом ниже).

Оболенский; полк правой руки – удельный князь Федор Борисович Волоцкий (воеводы князь Федор Иванович Бельский и Дмитрий Васильевич Шеин); полк левой руки – удельный князь Федор Васильевич Рязанский (воеводы князя Александр Владимирович Ростовский и Михаил Федорович Курбский Карамыш); сторожевой полк – удельный князь Иван Борисович Рuzский (воеводы князя Михаил Федорович Телятевский, Федор Васильевич Телепень Оболенский, Константин Ярославич Оболенский)¹¹⁴.

По предположению А. А. Зимина, участие в походе северских и удельных князей должно было подчеркивать его общерусский характер¹¹⁵. В таком случае неудивительно, что возглавил поход сын московского князя. Можно отметить, что под формальным командованием Дмитрия оказались в том числе и его близкие родственники: Федор Волоцкий, Федор Рязанский, Иван Рuzский приходились Дмитрию двоюродными братьями, а Василий Холмский в 1500 году женился на его сестре Феодосии (правда, уже на следующий год она умерла)¹¹⁶. Среди участвовавших в походе воевод были опытные военачальники. Например, Яков Захарьевич в 1490-х годах участвовал в войнах с Литвой, Швецией, Казанью. Успел он отличиться и в текущей русско-литовской войне, взяв в 1500 году Брянск¹¹⁷. Александр Ростовский, также участник кампаний 1490-х годов, был одним из командующих в битве под Мстиславлем 1501 года, завершившейся победой русского войска, хотя и без взятия города¹¹⁸. Участниками знаменитой Ведрошской битвы были Семен Стародубский, Василий Шемячич, Михаил

¹¹⁴ Разрядная книга 1475-1598 гг. С. 34. Рязанский князь назван в Разрядной книге Федором Ивановичем. В действительности это был сын Василия Ивановича Рязанского и сестры Ивана III Анны Васильевны (см. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988. С. 113-114).

¹¹⁵ *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV-XVI столетий (очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982. С. 191.

¹¹⁶ Там же. С. 283.

¹¹⁷ *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России. С. 183-184.

¹¹⁸ *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. С. 405.

Телятевский, Федор Телепень Оболенский¹¹⁹. Таким образом, мы видим, что Дмитрия Ивановича окружали профессионалы военного дела, которым, по всей видимости, и предстояло фактически руководить походом.

Взятие Смоленска представляло собой нелегкую задачу. Система укреплений города делилась на две основных части: «Старый город» и «Пятницкий острог». Наиболее хорошо укреплен был «Старый город», обнесенный с разных сторон деревоземляным валом со рвом, тыном и деревянной стеной с башнями. «Пятницкий острог» также имел деревоземляные укрепления, но, по-видимому, менее мощные¹²⁰. Поэтому для похода Ивану III нужно было собрать серьезные силы. Источники отмечают многочисленность русского войска и наличие у него огнестрельного оружия. Густынская летопись сообщает, что московский князь «посла сына своего Дмитра в силе велице и з стрелбою огнистою и з делами»¹²¹. Литовская хроника Быховца также пишет об отправке Дмитрия на Смоленск «с большим войском, с пушками и со всем снаряжением»¹²². Типографская летопись характеризует посланную на Смоленск рать как «многое множество воиньства», прибавляя, что «и посошные с ними были»¹²³. По приблизительным подсчетам В. В. Пенского, в войске Дмитрия могло быть до 15 тысяч детей боярских, несколько тысяч пицальников и артиллеристов, а также значительное количество небоевого элемента (например, посошные, которые занимались саперными работами, ремонтом дорог и мостов)¹²⁴.

¹¹⁹ Там же. С. 388.

¹²⁰ Пенской В.В. «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 году. С. 75.

¹²¹ ПСРЛ. Т. 40. С. 142.

¹²² Хроника Быховца. С. 141.

¹²³ ПСРЛ. Т. 24. С. 214.

¹²⁴ Пенской В.В. «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 году. С. 77.

Относительно планов наступления на Смоленск исследователи высказывают разные предположения. По мнению Ю. Г. Алексева (основанному на изучении разрядных книг), в смоленской кампании участвовало три русских рати. Одна из них, во главе с князем Даниилом Васильевичем Щеней, шла из Новгородской земли в тыл Смоленского плацдарма. В составе этого войска, как полагает историк, были основные силы новгородского служилого ополчения. Другая рать – возглавляемая Дмитрием Ивановичем – направлялась непосредственно на Смоленск. Третья рать шла со стороны Ржевы и прикрывала внутренние фланги. Одновременно боевые действия должен был вести союзник Москвы крымский хан Менгли-Гирей¹²⁵. В. В. Пенской отмечает несоответствие данной реконструкции сведениям летописей и польских источников. Исследователь указывает, что новгородская рать, недавно вернувшаяся из похода на Литву, вряд ли могла быть отправлена туда снова, особенно учитывая беспокойное положение на границе с Ливонией. Ржевская рать (называемая в источниках также «тверской силой»), как полагает В. В. Пенской, должна была играть роль резерва и могла быть брошена в зависимости от обстоятельств либо на помощь войску Дмитрия, либо против ливонцев. Менгли-Гирей, действуя против хана Большой Орды Шейх-Ахмеда, должен был обезопасить юго-восточные границы Московского государства¹²⁶.

Войско Дмитрия Ивановича выступило в поход 14 июля, по сообщению летописей, в «четверток» (четверг), на память святого апостола Акилы¹²⁷. Типографская летопись датирует начало похода 2 июля¹²⁸. Как считает В. В. Пенской, здесь речь идет об авангардах русского войска. При этом, часть войска под командованием Василия Шемячича вышла еще раньше и, судя по письмам великого князя литовского Александра Казимировича, появилась

¹²⁵ *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. С. 427.

¹²⁶ *Пенской В.В.* «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 году. С. 76.

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 12. С. 256; Т. 37. С. 173.

¹²⁸ ПСРЛ. Т. 24. С. 214.

под Смоленском еще в начале июня. В конце июня в Москву пришли вести о победе Менгли-Гирея над Шейх-Ахмедом и окончательном падении Большой Орды¹²⁹. На следующий день после выхода основных сил русского войска, 15 июля, Иван III отправил в Крым своих послов во главе с татаринном Кадышем Абашевым. В грамоте Менгли-Гирею московский князь выражал радость по поводу победы своего союзника над Большой Ордой, но также и упрекал крымского хана в том, что он «взяв Орду... на Литовскую землю сам не пошел, ни детей своих не послал». Иван III просил Менгли-Гирея все же выдвинуть свои войска против Литвы и сообщал ему, что русское войско во главе с Дмитрием уже вышло «прямо к Смоленску». Московский князь предлагал хану действовать сообща с ратью Дмитрия¹³⁰.

В это время русское войско двигалось на Смоленск. В. В. Пенской заметил, что в летописях упоминается о плохой погоде летом – осенью 1502 года. Следовательно, путь к цели был весьма долгим и трудным. Тем не менее, в первой половине августа войско Дмитрия все же подошло к Смоленску¹³¹. К сожалению, источники не позволяют восстановить картину осады во всех подробностях. В русских летописях можно найти лишь указания на жестокие бои под стенами города. «Граду учиниша зла много и людей под градом побиша много», – сообщает Типографская летопись¹³². Густынская летопись, в свою очередь, указывает на серьезные потери русского войска, отмечая, что литовцы «браняху бо ся крепко и много Москвы побиша»¹³³. Более подробно рассказывает об осаде хроника Быховца. Согласно этому источнику, великий князь Александр, узнав об окружении Смоленска, послал на помощь защитникам города войско,

¹²⁹ Пенской В.В. «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 году. С. 76-77.

¹³⁰ Сборник РИО. Т. 41. С. 423-424.

¹³¹ Пенской В.В. «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 году. С. 77.

¹³² ПСРЛ. Т. 24. С. 214.

¹³³ ПСРЛ. Т. 40. С. 142.

включавшее как литовские силы, так и иностранных наемников. Возглавили его жемайтский пан Станислав Яновский и чех Ян Гирнин. Тем временем русские окружили пушками чуть ли не весь город и предпринимали попытки штурма. Вероятно, положение осажденных было очень тяжелым, поскольку автор хроники объясняет неудачи штурмов лишь помощью Бога и Богородицы. В итоге русские воины «со скорбью и со слезами терпели с великими насмешками поражения под городом и с позором и с бесчестьем от города отбиваемы были»¹³⁴. Как видно, в ходе боевых действий под Смоленском тяжелые потери несли обе стороны. В разгар осады, 27 августа, Иван III отправил к Дмитрию дьяка Ивана Телешова с посланием. В нем великий князь сообщал сыну, что Александр Казимирович хочет мира, и просил передать литовским послам «опасную грамоту», чтобы они могли без трудностей приехать и отъехать. Тем не менее, уверенности в окончании войны нет, и Дмитрий должен продолжать «доставать» Смоленск. В случае приближения литовского войска Иван III наказывал сыну сообщить об этом в Москву, чтобы ему было выслано подкрепление¹³⁵. По предположению В. В. Пенского, одновременно с отправкой дьяка в Литву со стороны Ржевы вышла «тверская сила» во главе с князьями Андреем Федоровичем Голениным и Михаилом Ивановичем Булгаковым, насчитывавшая до 4 тысяч воинов. Исследователь считает, что послание и подкрепление прибыли под Смоленск в начале сентября¹³⁶.

Согласно польско-литовским источникам, последняя попытка штурма города состоялась 16 сентября. Как и все предыдущие, она окончилась неудачно, причем была уничтожена одна из русских пушек и был убит воевода Палецкий. Как указал В. В. Пенской, здесь, вероятно, речь идет о князе Федоре Ивановиче Палецком, бывшем одним из воевод «тверской рати». В действительности он погибнет спустя 4 года под Казанью.

¹³⁴ Хроника Быховца. С. 141.

¹³⁵ Сборник РИО. Т. 35. С. 335.

¹³⁶ Пенской В.В. «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 году. С. 78.

Исследователь допускает, что под Смоленском воевода мог получить ранение¹³⁷. На следующий день после безуспешного приступа (по сообщению Вологодской летописи, «на третий день по Воздвижение дни», то есть после праздника Воздвижения Креста Господня 14 сентября) Дмитрий отдал приказ отступить¹³⁸. По сообщениям Густынской летописи и хроники Быховца, Дмитрий отступил, узнав о приближении литовского войска Станислава Яновского¹³⁹. Еще одну причину невозможности продолжать осаду указал Иван III в письме к Менгли-Гирею (несостоявшееся посольство Ивана Беклемишева, октябрь 1502 года): «Корму не стало, не на чем было стояти города доствати»¹⁴⁰. Не сумев взять Смоленска, русские рати все же смогли нанести существенный ущерб окрестным землям. В большинстве летописей об этом содержится одинаковое краткое сообщение: Дмитрий «землю Литовскую повоевав и попленив»¹⁴¹. Типографская летопись рассказывает, что русское войско «волости и села повоеваша и пограбиша и пожгоша и полону выведоша множество бесчисленно»¹⁴². В письме Ивана III Менгли-Гирею московский князь сообщает, что пока Дмитрий стоял под Смоленском, части русского войска «Ршу [Оршу – А. Б.] изгонили и выграбили, и волости все около Мстиславля и по Видбеск и по Полтеск и по Березыню и по Двину выграбили и выжгли, и людей в полон

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. 37. С. 173.

¹³⁹ ПСРЛ. Т. 40. С. 142; Хроника Быховца. С. 141-142.

¹⁴⁰ Сборник РИО. Т. 41. С. 439.

¹⁴¹ См. напр. ПСРЛ. Т. 8. С. 243; Т. 12. С. 257; Т. 20. С. 373 и др.

¹⁴² ПСРЛ. Т. 24. С. 214.

вывели и у Витебска посад пожгли»¹⁴³. По предположению В. В. Пенского, здесь мог действовать передовой полк войска Дмитрия¹⁴⁴.

23 октября, в «неделю» (воскресенье), Дмитрий Иванович с войском вернулся в Москву. «И воеводы великого князя, Бог дал, все здравы», – добавляет Вологодско-Пермская летопись¹⁴⁵. После возвращения последовало разбирательство по поводу недолжного поведения некоторых воинов во время похода. Сведения об этом дошли в Типографской летописи: Дмитрий пожаловался отцу, что «многие дети боярские подступали под град и в волости отъезжаа грабили без его ведома, а его не послоушашя». Иван III «въсполеся» на них, и провинившиеся понесли наказание: их били кнутом и сажали в тюрьмы¹⁴⁶. Это сообщение можно толковать по-разному. Либо Дмитрий действительно пытался бороться с нарушениями дисциплины в своем войске, либо же он пытался переложить на кого-то другого вину за поражение. По нашему мнению, более убедительно первое предположение. Вряд ли Дмитрий нуждался в каких-либо выдумках для объяснения военной неудачи. Взятие Смоленска объективно было сложной задачей, и великий князь должен был понимать это. Скорее всего, часть воинов действительно самовольно отъезжала от стен города. Возможно, они хотели присоединиться к передовому полку, который, как было показано выше, тоже разорял литовские волости, но, очевидно, с разрешения командования. Причиной такого поведения могли быть как страх за свою жизнь (осаждать и штурмовать упорно сопротивлявшийся город было намного опаснее), так и желание поживиться чем-нибудь при ограблении территории противника. В таком случае, данные Типографской летописи характеризуют Дмитрия

¹⁴³ Сборник РИО. Т. 41. С. 461.

¹⁴⁴ *Пенской В.В.* «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 году. С. 78. Г.Ф. Карпов писал, что Дмитрий отправился на разорение литовских земель уже после отступления от Смоленска (*Карпов Г.Ф.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462-1508./ Вступ. сл. Л.Е. Морозовой. М.: Кучково поле, 2015. С. 328). Полагаем, что сведения из письма Ивана III более соответствуют версии В.В. Пенского, и данные события происходили одновременно с осадой города.

¹⁴⁵ ПСРЛ. Т. 26. С. 296.

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. 24. С. 214.

Ивановича с положительной стороны, показывая, что он относился к обязанностям командующего не как к простой формальности, а хотя бы пытался поддерживать порядок в войске.

Почему же поход 1502 года на Смоленск окончился неудачей? Летописи дают на это короткий ответ: город «крепок бе»¹⁴⁷. По этому поводу историк К. В. Базилевич высказал предположение, что стены города были очень прочными и могли противостоять действию артиллерийского огня. Именно слабость русской артиллерии исследователь считал одной из главных причин неудачи¹⁴⁸. Такого же мнения придерживался А. А. Зимин¹⁴⁹. Неумение русских бороться с сильными крепостями, в частности, из-за отсутствия тяжелой осадной артиллерии, отмечал и Ю. Г. Алексеев, указывавший также на недисциплинированность и отсутствие помощи со стороны крымского хана¹⁵⁰. По мнению Ю. Б. Куницыной, «причиной поражения послужило полное отсутствие дисциплины и координации между командующими полками»¹⁵¹. В. В. Пенской большую роль в развитии тех событий отводит сложностям со снабжением русского войска¹⁵². М. М. Кром, возражая К. В. Базилевичу и А. А. Зимину, отмечает широкое использование русскими артиллерии, что было зафиксировано в источниках. Историк признает в качестве возможных причин поражения низкий уровень дисциплины и проблемы со снабжением, но добавляет к этому такой фактор, как позиция горожан, которые «демонстрировали полную лояльность Литве..., надеясь на

¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. 12. С. 257; Т. 20. С. 373; Т. 39. С. 175; по сообщению Вологодско-Пермской летописи «зело бе крепок» (ПСРЛ. Т. 26. С. 296).

¹⁴⁸ *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. Серия: Памятники русской исторической мысли. М., Территория, 2001. С. 440.

¹⁴⁹ *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV-XVI столетий. С. 192.

¹⁵⁰ *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. С. 429-430.

¹⁵¹ *Куницына Ю.Б.* С тенью прав князя владетельного... С. 49.

¹⁵² *Пенской В.В.* «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 году. С. 79.

помощь короля, и не собирались сдаваться»¹⁵³. Вряд ли можно четко выделить главную причину поражения русских войск под Смоленском, скорее всего, здесь имели место несколько факторов. При этом источники не дают повода говорить в данном случае о вине Дмитрия Ивановича.

Война с Литвой завершилась в марте следующего года заключением шестилетнего перемирия, по которому Московское государство получило большие территории, в том числе Стародубское и Новгород-Северское княжество, Брянск, Мценск, Дорогобуж, Торопец. Исследователи, например А. А. Зимин, отмечают огромное политическое и экономическое значение присоединенных территорий¹⁵⁴. Во время переговоров упоминался и неудачный поход на Смоленск. Послы Петр Мешковский и Станислав Глебович передали такие слова Александра Казимировича: «Послал еси сына своего князя Дмитрея со многими людьми в нашу землю, города нашего Смоленска добывати; и он там не мало стоял и города не добыл: с Божьею помощью, подлуг наше правды, люди наши оборонилися, и там крови христьянское не мало разлилося»¹⁵⁵. В свою очередь, боярин Григорий Федорович Челяднин-Давыдов передавал слова Ивана III: «Посылали мы сына своего Дмитрия города его [Александра Казимировича – А. Б.] Смоленска добывати, и тамо крови христианские много пролилось»¹⁵⁶. Как мы еще раз можем убедиться, обе стороны признавали тяжелые потери при осаде города.

В мае 1503 года Иван III отправил в Литву посольство во главе с Петром Плещеевым и Константином Заболоцким с целью подтверждения «перемирных грамот». Для нашей темы эти переговоры интересны, так как здесь в первый и единственный раз поднимается вопрос о возможном браке

¹⁵³ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 208.

¹⁵⁴ Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий. С. 194-195.

¹⁵⁵ Сборник РИО. Т. 35. С. 366.

¹⁵⁶ Там же. С. 377.

Дмитрия Ивановича. Московский князь передавал своей дочери, королеве польской и великой княгине литовской Елене, что ее младшие братья Василий, Юрий и Дмитрий «того доросли, что их пригоже женити». Иван III просил Елену разузнать насчет возможных невест. Желательными кандидатурами были дочери «государей греческого закона, или римского закону»¹⁵⁷. Вероятно, поиски если и имели место, то не дали нужных результатов. В ноябре 1503 года Иван III отправил в Литву новое посольство во главе с дьяком Никитой Моклоковым, где снова обращался к Елене с той же просьбой, однако здесь в качестве возможного жениха фигурировал только старший сын Василий¹⁵⁸.

Летом 1503 года Дмитрий Иванович вновь принимает участие в событии общегосударственного значения, но на этот раз относящемся к области внутренней политики. Речь идет о церковном соборе, на котором, по сообщениям ряда источников, великий князь сделал попытку изъять церковно-монастырскую земельную собственность. По словам А. А. Зимина, «ликвидация монастырского землевладения отвечала насущным потребностям военно-служилого люда и феодального государства»¹⁵⁹. Иван III заручился поддержкой некоторой части монашества – «нестяжателей» – которые выступали против богатства монастырей по моральным соображениям. Виднейшим представителем нестяжателей был Нил Сорский, присутствовавший на соборе 1503 года. Противоположную сторону представляли митрополит Симон, архиепископ Геннадий Новгородский, игумены Иосиф Волоцкий и Серапион Троицкий¹⁶⁰.

Об участии в соборе Дмитрия Ивановича сообщает «Слово иное» – публицистическое произведение со стороны защитников церковно-

¹⁵⁷ Там же. С. 426-427.

¹⁵⁸ Там же. С. 442-443.

¹⁵⁹ *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV-XVI столетий. С. 199.

¹⁶⁰ *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV-XVI столетий. С. 198-202.

монастырского землевладения. Согласно этому источнику, на соборе присутствовали трое старших сыновей великого князя. Их позиция не была единой: если Василий и Дмитрий поддержали идею об изъятии монастырских земель («присташа к совету отца своего»), то Юрий отказался говорить на данную тему («ничтоже о сих не глаголах»), за что автор «Слова...» уважительно называет его «всесветлым»¹⁶¹. Это сообщение заслуживает внимания. «Слово...», по всей видимости, является ранним источником. Обнаруживший этот памятник Ю. К. Бегунов датировал его 1506-1509 годами. Также исследователь предположил, что автор «Слова...» был близок к Серапиону Троицкому (впоследствии архиепископу новгородскому): именно этот деятель изображен главным защитником монастырских земель, в то время как Иосиф Волоцкий, у которого впоследствии произошел конфликт с Серапионом, в «Слове...» вообще не упомянут¹⁶². Вряд ли следует сомневаться в истинности сообщения источника относительно позиции Дмитрия Ивановича. Однако, по нашему мнению, это не является свидетельством секуляризационных взглядов будущего углицкого князя. Его политику по отношению к монастырям в своем уделе мы рассмотрим в дальнейшем, пока лишь отметим, что исследовавшая данный вопрос Л. И. Ивина охарактеризовала Дмитрия как сторонника монастырского землевладения¹⁶³. Мы полагаем, что «Слово иное» доказывает не наличие у Дмитрия отрицательного отношения к церковно-монастырской земельной собственности, а его лояльность отцу и брату. Вероятно, Дмитрий просто примкнул к их мнению, возможно, даже не имея каких-либо собственных суждений по данному вопросу. Поведение Дмитрия Ивановича на соборе 1503 года является одной из причин, по которым мы не можем согласиться с предположениями насчет его возможного конфликта с Иваном III и Василием в то время. Завершая тему

¹⁶¹ Бегунов Ю.К. «Слово иное». С. 351.

¹⁶² Там же. С. 362-363.

¹⁶³ Ивина Л.И. Внутреннее освоение земель России в XVI в. С. 85.

данного собора, отметим, что великий князь не добился своих целей. Этому помешали как упорное сопротивление высшего духовенства, так и внезапный приступ болезни Ивана III, воспринятый им как наказание свыше¹⁶⁴.

Вскоре после собора, в сентябре 1503 года, Иван III выехал из Москвы. Он посетил вначале Троице-Сергиев монастырь, затем Переславль, Ростов, Ярославль, вернувшись в столицу в ноябре. Дмитрий Иванович, по видимому, сопровождал отца: летопись отмечает, что Иван III отправился в поездку «з детми»¹⁶⁵. По мнению С. М. Каштанова, поездка Ивана III имела политическое значение: города, которые посетила великокняжеская семья, были расположены вблизи будущих Дмитровского и Углицкого уделов. Вероятно, что в то время Иван III уже составлял свою духовную грамоту. Интересно замечание С. М. Каштанова по поводу связи между распределением уделов и провалом секуляризационных планов на соборе 1503 года. Историк допускает, что в случае конфискации церковно-монастырских земель Ивану III не пришлось бы выделять уделы сыновьям. Но так как церковные земли остались неприкосновенны, то великому князю пришлось обратиться к старому обычаю наделения младших сыновей княжествами. Если бы Иван III отказался от этого, его преемник мог бы столкнуться с феодальным мятежом братьев, опиравшихся на часть боярства и духовенства¹⁶⁶. С. М. Каштанов предложил считать приблизительной датой составления духовной грамоты декабрь 1503 года¹⁶⁷.

Что же сказано в духовной об уделе Дмитрия Ивановича? Помимо Углича, Дмитрий получил Устюжну, Рожалово, Велетово, Кистьму, Мологу, Хлепень, Рогачев, Негомир, Зубцов (как отмечает грамота, «в Тферской земле»), Опоку, половину Ржевы, Мезецк, Опаков, волости по Угре Залидов,

¹⁶⁴ *Бегунов Ю.К.* «Слово иное». С. 359-360; *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV-XVI столетий. С. 208-209.

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. 12. С. 257

¹⁶⁶ *Каштанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI века. С. 197-198.

¹⁶⁷ Там же. С. 202.

Недоходово, Лычино, Бышковичи. Перечисляя города, Иван III отмечал, что дает их «с путми, и з селы, и со всеми пошлинами». Особо регламентировался торг (ярмарка) у Мологи: великий князь указывает Дмитрию получать пошлыны в тех же размерах, как было раньше, и не прибавлять ничего нового, а Василию и другим сыновьям запрещает переводить этот торг на свои земли или мешать торговле¹⁶⁸. Также Дмитрий получил села в Москве: Напрудское, Озерецкое Старое и Озерецкое Новое¹⁶⁹. Был определен размер «ордынского выхода» с удела Дмитрия: «Пятьдесят рублей и восемь рублей с полтиною и семь денег». Кроме того, Иван III завещал Дмитрию «крест золот Парамшина дела» и ларцы с «казной»¹⁷⁰.

Вероятно, вскоре после составления духовной Дмитрий Иванович уже отправился в свой удел. В. Д. Назаров отмечает, что он отсутствовал на приеме литовских послов в Москве в феврале 1504 года¹⁷¹. 20 мая Дмитрий выдал первую известную жалованную грамоту в своем уделе. В этой грамоте, адресованной игумену Покровского монастыря Ионе, князь освобождал жителей монастырской деревни Пенское Углицкого уезда от своего суда (кроме как за убийство или разбой с поличным), передавая это право игумену и братии. В случае разбирательства между монастырскими людьми с одной стороны и городскими или волостными с другой предполагался совместный суд с представителями как монастыря, так и князя¹⁷². По всей видимости, Дмитрий не находился постоянно в своем уделе и периодически посещал столицу. В декабре того же 1504 года в Москву прибыл посол Александра

¹⁶⁸ ДДГ. С. 360.

¹⁶⁹ Там же. С. 358.

¹⁷⁰ Там же. С. 362. По мнению Ф.Х. Кисселя, в ларцах находились деньги и драгоценные камни (*Киссель Ф.Х. История города Углича. С. 200*).

¹⁷¹ Назаров В.Д. Дмитрий Иванович. С. 443.

¹⁷² АСЭИ. Т. III. С. 115.

Казимировича дьяк Злотский, который «правил поклоны» в том числе и Дмитрию¹⁷³.

27 октября 1505 года великий князь московский Иван III умер¹⁷⁴. Одним из первых внешнеполитических действий Василия III стало подтверждение «дружбы и братства» с Менгли-Гиреем. Перед отправкой посольства в Крымское ханство (декабрь 1505 года) состоялось обсуждение этого вопроса, в котором, по-видимому, участвовал и Дмитрий Углицкий (летописец сообщает, что Василий посоветовался «з братиею своею»)¹⁷⁵. Вместе с тем, в 1505 году резко обострились отношения Москвы с другим татарским ханством, Казанским. Это привело к новой войне, в ходе которой Дмитрию довелось второй раз возглавить общерусское войско.

Конфликт начался летом 1505 года с нападения на русских купцов и захвата русского посла в Казани. Многие русские, находившиеся на тот момент на территории ханства, были убиты или обращены в рабство, а их имущество было разграблено. В сентябре казанское войско подошло к Нижнему Новгороду, но не смогло взять город¹⁷⁶. После восшествия на престол Василия III хан Мухаммед-Амин объявил формальную причину разрыва с Москвой: он заявил, что давал присягу не Василию, а Дмитрию Внуку, который в то время находился в заключении¹⁷⁷. Весной 1506 года активные боевые действия возобновились, на этот раз уже со стороны Москвы. Разрядные книги сообщают нам сведения о командующих русским войском в походе на Казань. Дмитрий Иванович был поставлен во главе

¹⁷³ Сборник РИО. Т. 35. С. 471. Как мы уже видели, передача поклона заочно оговаривалась особо, чего в данном случае нет.

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т.12. С. 259.

¹⁷⁵ ПСРЛ. Т.13. С. 1

¹⁷⁶ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Издание 3-е, дополненное. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Казань. Комбинат изд-ва и печати, 1923), М.: ИНСАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991. С. 60-63.

¹⁷⁷ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль, 1972. С. 74.

большого полка, при нем были воеводы князь Федор Иванович Бельский, Дмитрий Васильевич Шеин, князь Федор Иванович Палецкий, князь Иван Васильевич Курля Оболенский, Андрей Васильевич Сабуров, Дмитрий Иванович Ларев, Алферий Филипьев. Передовой полк возглавляли князь Михаил Федорович Курбский Карамыш и направленный от Юрия Дмитровского князь Давыд Данилович Хромой. В полку правой руки находились удельный князь Федор Борисович Волоцкий и великокняжеские воеводы князя Михаил Федорович и Владимир Андреевич Микулинские; в полку левой руки – князь Иван Михайлович Репня Оболенский и Петр Иванович Житов. Эта часть войска шла на судах. Вместе с ней на Казань шла конная рать, возглавляемая князем Александром Владимировичем Ростовским. В большом полку у него были воеводы Михаил Елизарович Гусев (от Юрия Дмитровского), Василий Алексеевич Давыдов (от Дмитрия Углицкого), князь Григорий Дмитриевич Мещерский (от Федора Волоцкого). Передовой полк возглавлял князь Петр Лобан Семенович Ряполовский, с ним шли и татарские отряды во главе с царевичем Джанаем и Канбар-мурзой. Полком правой руки командовал князь Василий Семенович Мних Ряполовский, полком левой руки – князь Федор Семенович Стрига Ряполовский, сторожевым полком – князь Федор Иванович Стрига Оболенский и Андрей Иванович Коробов. Еще одна часть русского войска должна была обеспечить переправу конной рати. Здесь были воеводы князь Иван Иванович Щетина Оболенский, Федор Щука Юрьевич Кутузов, князь Федор Петрович Сицкий, князь Семен Федорович Кутузов, князь Александр Федорович Аленка, Иван Вельяминович Брех, князь Иван Семенович Голенище Андомский¹⁷⁸. Можно предположить, что Московским государством были собраны немалые силы для похода. Например, Герберштейн в своем сочинении пишет, что великий князь «двинул против

¹⁷⁸ Разрядная книга 1475-1598 гг. С. 36-37; Разрядная книга 1475-1605 гг. С. 88-90.

них [казанцев – А. Б.] огромное войско с пушками»¹⁷⁹. О многочисленности русских ратей сообщают и летописные известия¹⁸⁰.

Как можно убедиться, среди участников казанского похода были и те, кто три года назад ходил с Дмитрием на Смоленск: это Федор Бельский, Дмитрий Шеин, Михаил Курбский Карамыш, Федор Волоцкий, Иван Репня Оболенский, Александр Ростовский, Василий Мних Ряполовский. Характерно, что после получения удела у Дмитрия появились собственные воеводы, особо помеченные в разрядах. Историк М. Г. Худяков считал, что Дмитрий был номинальным командующим, фактически же главная роль в походе принадлежала Федору Бельскому и Александру Ростовскому¹⁸¹. В целом, с этим мнением можно согласиться, хотя нужно иметь в виду, что Дмитрий имел на тот момент опыт командования военным походом, пусть и неудачный, и, вероятно, мог и сам принимать какие-либо решения. Следует учесть и замечание А. А. Зимина, объяснявшего такой выбор командующего внутривосточной обстановкой, а именно напряженными отношениями между Василием III и Юрием Дмитриевским¹⁸².

Войско вышло в поход в апреле 1506 года. 22 мая «судовая рать» во главе с Дмитрием пришла под Казань. Воины высадились из судов и продолжили путь пешком. При этом, как отмечает летописец, они шли «с небрежением и не осмотряся». Как и в смоленском походе, погодные условия были не на стороне русских, поскольку «день бысть тогда жарок добре». Казанское войско разделилось на две части: одна вышла на открытый бой с русскими, «а иные татарове потаенные от судов на конях заехаша». Произошла битва, завершившаяся тяжелым поражением русского войска. 9 июня в Москву прибыл князь Василий Голенин с вестью о неудаче. Василий

¹⁷⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 411.

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. 23. С. 197.

¹⁸¹ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 63. При этом М.Г. Худяков ошибочно назвал Дмитрия Углицкого 16-летним, в действительности князю на тот момент было 24 года.

¹⁸² Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 77.

III сразу же отправил брату подкрепление во главе с уже упоминавшимся воеводой Василием Даниловичем Холмским, требуя от Дмитрия не начинать нового приступа к городу до прибытия войска Холмского. Тем временем к Казани подошла конная рать Александра Ростовского (22 июня). После этого Дмитрий и великокняжеские воеводы решили не дожидаться Холмского и 25 июня пошли на штурм «не по великому князя приказу», причем опять «с небрежением», в результате чего «побежени быша от татар». В итоге войско Дмитрия с большими потерями было вынуждено отступить к Нижнему Новгороду. Один из отрядов под командованием царевича Джаная и великокняжеского воеводы Федора Михайловича Киселева отошел к Мурому и сумел нанести поражение преследовавшим его казанцам: «Царевич же и Феодор Божию милостью туто татар казанских побили, а иных поимали, а сами приидоша здравии со всеми людьми». Известием об этом бое, призванном, вероятно, несколько сгладить общую картину поражения русских, завершается рассказ о казанском походе¹⁸³. Так излагает события автор Никоновской летописи. Примерно такой же рассказ, но с несколько меньшими подробностями, помещен в Вологодско-Пермской¹⁸⁴, Софийской II¹⁸⁵, Уваровской¹⁸⁶, Львовской летописях¹⁸⁷. Несколько отличается описание этих событий в Воскресенской и Софийской I летописях. Здесь также говорится, что Дмитрий действовал «не осмотряся», однако нет упоминания об отправке под Казань войска Холмского и о начале штурма вопреки приказу великого князя. Описание поражения русских по этим летописям выглядит, на первый взгляд, весьма странно. 22 июня, после прибытия «конной силы», объединившееся войско пошло на город, причем действовало не без успеха

¹⁸³ ПСРЛ. Т. 13. С. 2-4. Относительно последнего эпизода Иоасафовская летопись добавляет подробность, что Федор Киселев «бе не с многими людьми» (Иоасафовская летопись. С. 198).

¹⁸⁴ ПСРЛ. Т. 26. С. 297-298.

¹⁸⁵ ПСРЛ. Т. 6. С. 245.

¹⁸⁶ ПСРЛ. Т. 28. С. 339.

¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. 20. С. 377.

(«многих татар побиваху»). Однако уже 25 июня войско по непонятным причинам обратилось в бегство: «Побегоша восвояси, никем же гоними, грех ради наших людей многих истеряша»¹⁸⁸. Современный исследователь А. В. Аксанов справедливо замечает, что из этого описания сложно понять, почему русское войско потерпело поражение. Тем не менее, историку удалось прояснить картину. Как показал А. В. Аксанов, выражение «никем же гоними» восходит к библейской книге Левит, где такими словами описывается участь людей, которые не соблюдают заповедей Бога. С помощью этой фразы летописец хотел не описать реальные подробности боевых действий, а указать на религиозную причину такого трагического итога: русские были побеждены за свои грехи¹⁸⁹.

Казанская история сообщает свою версию событий 1506 года. Согласно этому памятнику, русское войско вначале атаковало ярмарку татар на Арском поле возле города. Там стояли шатры, где велась торговля, а также проходили пиры и развлечения казанцев. Русские воины «овех варвар избиша, овех же плениша». Часть татар во главе с ханом смогла укрыться за городскими стенами, но и там положение было очень тяжелое: «От великия тесноты во граде задыхахуся и задавляхуся людие». Русские имели все шансы на победу: «Аще бо едину три дни воя стояло русская у града, то б взяли град волею и без нужда». Однако воины, увидев все то, что осталось после бегства татар, принялись «бес страха ясти, и упиватися без ведания скверным ядением и питием варварским». Хан Мухаммед-Амин, наблюдавший за происходящим из стрельницы, вскоре увидел, что его противник находится в небоеспособном состоянии: «Узна их быти пьяных всех от мала же и до велика, яко же и до самех воевод». Казанцы решили действовать. На третий день после прибытия войска Дмитрия Ивановича под Казань ворота города отворились, и против русских полков вышло казанское войско: 20 тысяч всадников во главе с самим ханом и 30 тысяч пехотинцев-черемисов. Началось массовое

¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 246; Т. 39. С. 177.

¹⁸⁹ Аксанов А.В. Московско-казанские отношения (1445-1552 гг.). С. 114.

истребление русского войска, которое не могло оказать достойного сопротивления. Автор Казанской истории трактует произошедшее в религиозном ключе. Русские «оставя дела божия, на дьявольское уклонишася». Из-за недостойного поведения православного войска Бог отвернулся от него, а «поганому» хану дал храбрость и мужество для победы¹⁹⁰.

Краткое сообщение Новгородской IV летописи напоминает рассказ Казанской истории: «Царь побежал, а пометав весь живот, и москвичи учили грабити, и царь их тут многих побил, а иные в реке истопли». Летописец указывает на дату этого события: бой произошел в мае, «на завтрее Вознесеньева дни»¹⁹¹. Похожую историю можно найти и у Герберштейна, причем австрийский дипломат изображает действия татар как военную хитрость. Казанцы разбили лагерь на виду у русских, в то время как главная часть их войска находилась в засаде. Затем татары изобразили бегство, русские принялись грабить лагерь и в это время были атакованы: «Татары вместе с лучниками-черемисами выступили из засады и устроили такое побоище, что московиты вынуждены были бежать, бросив пушки и военные машины»¹⁹².

Несмотря на различия в описании боевых действий, источники сходятся на том, что русское войско понесло тяжелые потери. Наиболее ужасающую картину разгрома (по всей видимости, сильно преувеличенную) рисует Казанская история. Этот источник описывает, как «покрыся лице земли трупием человеческим, и поле Арское и Царев луг кровию очервлешася». Из 100 тысяч русских воинов, будто бы бывших под Казанью, спаслось только 7 тысяч, остальные были убиты татарами либо утонули во время бегства. Были потери и среди командующих. Автор Казанской истории

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. 19. С. 233-236.

¹⁹¹ ПСРЛ. Т. 43. С. 213.

¹⁹² Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 411.

называет поименно пять погибших воевод: князь Александр Пеньков, князь Михаил Курбский Карамыш, его брат Роман («три князя Ярославских»), Федор Киселев и Дмитрий Шеин, причем последний был захвачен живым и замучен казанским ханом. Как видим, здесь Казанская история содержит ошибку – мы помним, что воевода Киселев не только остался жив, но и одержал победу над преследовавшими его татарами. Общие потери русских под Казанью здесь сравниваются с потерями в Куликовской битве. Также в источнике отмечено, что хан захватил богатые трофеи¹⁹³. Типографская летопись сообщает, что «многие князи и дети боярские побиени быша» и называет имена погибших воевод: князь Михаил Курбский, князь Федор Палецкий, Дмитрий Шеин (который «ят бысть», то есть перед смертью попал в плен)¹⁹⁴. Новгородская IV летопись также упоминает гибель воеводы Дмитрия Шеина. Ее описание отличается от рассказа Казанской истории: «Изымаша Дмитрея Шеина и преведоша во град пред царя, и ту скончаша». Если Казанская история утверждает, что пленный воевода был жестоко убит по приказу хана, то новгородский летописец сообщает лишь о смерти Шеина в Казани в присутствии хана – можно предположить, от полученных в бою ранений¹⁹⁵. Погодинский летописец ограничивается кратким сообщением, что «убиен бысть Димитрей Шеин, а князь Димитрей убежал, и много людей потравили»¹⁹⁶. По словам Иоасафовской летописи, Дмитрий и великокняжеские воеводы «многих людей истеряша своим небрежением»¹⁹⁷. Другие летописи рассказывают, что «грех ради наших побиша татарове воевод пеших и детей боярских..., а иных поимаша, а иные мнозии истопоша на Поганом озере»¹⁹⁸. Интересная подробность содержится в хронике

¹⁹³ ПСРЛ. Т. 19. С. 236-237.

¹⁹⁴ ПСРЛ. Т. 24. С. 215-216.

¹⁹⁵ ПСРЛ. Т. 43. С. 213.

¹⁹⁶ Лурье Я.С. Краткий летописец Погодинского собрания. С. 444.

¹⁹⁷ Иоасафовская летопись. С. 198.

¹⁹⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 246; Т. 13. С. 3.

Быховца, согласно которой большие потери русского войска были вызваны не только боевыми действиями, но и бурями, из-за которых потонули многие суда. В итоге, как пишет хроника, «очень мало москвичей возвратилось назад, погибло их бесчисленное множество»¹⁹⁹. Некоторые летописи, не раскрывая подробностей, сообщают о неудаче похода. Так, например, результат действий русского войска охарактеризован в Устюжской летописи: «Оже ходивше, толко труд безуспешен: ничтоже не свед и возвратишася»²⁰⁰. Наиболее лаконично сообщение Ермолинской летописи: «Грех ради наших бысть, еже бысть»²⁰¹. Также следует упомянуть, что до нас дошло описание этих событий – правда, с явными преувеличениями – со стороны казанского хана Мухаммед-Амина (оно цитируется в работе Г. Ф. Карпова). Численность русского войска он оценивал в 50 тысяч прибывших в судах и 60 тысяч прибывших посуху. Тем не менее, казанцы «бились и побили» даже такую большую силу и «главных князей-бояр поймали». Хан не сообщает подробностей битвы, заявляя лишь, что с помощью Бога он поочередно разбил вначале челновую, а затем конную рать²⁰².

Приведем теперь мнения ученых, обращавшихся в своих исследованиях к теме казанского похода 1506 года. А. В. Аксанов отметил, что в самых ранних летописях, созданных в годы правления Василия III, вина за поражение перекладывается на командующих русским войском, которые ослушались приказа великого князя. Вероятно, таким образом Василий III пытался оправдать себя за внешнеполитические неудачи первых лет своего правления. По мнению А. В. Аксанова, летописцы более позднего времени могли понимать, что такое объяснение является политическим заказом, и решили отказаться от него. Однако единственное, что они смогли предложить взамен – это религиозная версия, рассматривающая поражение в первую

¹⁹⁹ Хроника Быховца. С. 120.

²⁰⁰ ПСРЛ. Т. 37. С. 100.

²⁰¹ ПСРЛ. Т. 23. С. 197.

²⁰² Карпов Г.Ф. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. С. 360.

очередь как наказание от Бога за грехи (Воскресенская летопись). Эта идея получила дальнейшее распространение в Новгородской IV летописи и особенно в Казанской истории, где было объяснено, за какой именно грех поплатились русские²⁰³. М. Г. Худяков при описании казанского похода придерживался версии Никоновской летописи. Рассказ Казанской истории исследователь охарактеризовал как «совершенно фантастический». В частности, вымыслом М. Г. Худяков назвал нападение русского войска на ярмарку на Арском поле. Причиной поражения русских историк считал плохую подготовку и ошибки командования²⁰⁴. А. А. Зимин назвал поражение под Казанью «страшным разгромом», хотя и признал сведения о потерях из Казанской истории преувеличенными. По предположению А. А. Зимина, данный поход сыграл существенную роль в отношениях между Василием III и удельными князьями. Неудача показала, что удельные князья являются препятствием на пути создания сильного государства. После этого никто из них не возглавлял значимые военные походы²⁰⁵. А. И. Филюшкин не считает сведения Казанской истории достоверными. Рассматривая различные летописные версии событий под Казанью, исследователь приходит к выводу, что отдать предпочтение какой-либо из них сложно. Тем не менее, можно утверждать, что поход оказался неудачным из-за ошибок командования, прежде всего Дмитрия Углицкого. При этом А. И. Филюшкин не согласен с А. А. Зиминим относительно влияния поражения под Казанью на антиудельную политику Василия III. Как полагает А. И. Филюшкин, здесь речь идет о персональной ответственности Дмитрия, а не о вине удельных князей в целом²⁰⁶.

Действительно, в случае с казанским походом (в отличие от смоленского) мы имеем прямые указания источников на вину Дмитрия

²⁰³ Аксанов А.В. Московско-казанские отношения (1445-1552 гг.). С. 114-119.

²⁰⁴ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 63-66.

²⁰⁵ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 78.

²⁰⁶ Филюшкин А.И. Василий III. С. 109-110.

Углицкого в поражении. Если достоверность эпизода с нарушением приказа Василия III все же является спорной, то «небрежение», с которым действовали командующие русским войском, упоминается даже в тех летописях, которые не говорят о самовольном начале штурма вопреки приказу великого князя. Однако, на наш взгляд, не следует перекладывать на Дмитрия всю вину. Помимо углицкого князя, войско возглавляли также великокняжеские воеводы, имевшие намного больший опыт, чем Дмитрий, и, по всей видимости, отдававшие приказы наравне с ним. Во всяком случае, у нас нет оснований считать, что Дмитрий действовал вопреки желанию воевод. Напротив, в летописях мы видим выражение «князь Дмитрий Иванович с воеводами великого князя», которое указывает на их совместное командование²⁰⁷. По мнению А. И. Филюшкина, воевода Федор Бельский несет не меньшую ответственность за поражение в первом бою под Казанью, чем Дмитрий²⁰⁸. Это утверждение можно назвать обоснованным. Следует отметить, что, например, хроника Быховца, рассказывая о казанском походе, именно Бельского называет «наивысшим воеводой» великого князя²⁰⁹. К сожалению, мы не имеем в источниках никаких свидетельств о том, как Василий III встретил своего брата и воевод после их возвращения из неудачного похода. В нашем распоряжении имеется лишь рассказ из сочинения Герберштейна, согласно которому великий князь милостиво принял двух пушкарей, вынужденных бросить под Казанью свои орудия. Одного из них – итальянца Варфоломея – Василий III даже щедро наградил. Еще один пушкарь вернулся с оружием, но великий князь не оценил его усердия, сказав будто бы, что «не орудия важны для меня, а люди, которые умеют лить их и обращаться с ними»²¹⁰. Остается предположить, что к

²⁰⁷ См. напр. ПСРЛ. Т. 13. С. 3.

²⁰⁸ Филюшкин А.И. Василий III. С. 110.

²⁰⁹ Хроника Быховца. С. 120.

²¹⁰ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 411-413.

Дмитрию Ивановичу и к своим воеводам великий князь также проявил снисхождение.

Интересно отметить, что сведения о казанском походе сохранились даже в Угличском летописце, правда, в сильно искаженном виде. Летописец ошибочно датирует войны Дмитрия с татарами 1512-1515 годами. Этот источник избегает прямо писать о поражении своего князя, используя расплывчатую формулировку: «И овогда побеждаем от татар бываше, иногда же и сам князь Димитрий тех окаянных варвар побеждаше, и, наконец, сотворше с теми варвары мир». Летописец утверждает, что за свои заслуги Дмитрий получил от великого князя город Можайск, «которой град прежде жалован приделом же и благоверному князю Андрею Васильевичю Углическому»²¹¹. Можайск действительно принадлежал ранее Андрею Углицкому (тот получил его в 1481 году за участие в стоянии на Угре), однако передача этого города Дмитрию Ивановичу Василием III другими источниками не подтверждается²¹². Такая награда выглядела бы очень странно, учитывая неудачные для русских результаты казанского похода. В то же время, сообщение Угличского летописца о повышении авторитета Дмитрия в Угличе после его возвращения из похода, на наш взгляд, может соответствовать действительности. Как повествует источник, «и вшед [Дмитрий – А. Б.] во град с похвалною честию и миротворным учреждением, яко храбрый защититель и оборонитель своя отчизны»²¹³. Вполне можно допустить, что для жителей Углицкого удела личная храбрость их князя могла значить больше, чем реальное военно-политическое значение похода. Что же касается упомянутого «миротворного учреждения», то следует отметить, что после поражения русского войска под Казанью активные боевые действия более не велись, а в марте следующего года начались мирные переговоры,

²¹¹ Угличский летописец. С. 45. Возможно, здесь имело место смешение двух походов Дмитрия: на Казань в 1506 году и к Оке в 1514 году, с целью защиты границ от крымских татар во время взятия Василием III Смоленска (см. об этом ниже). Но во втором случае о каких-либо боевых действиях неизвестно.

²¹² Там же. С. 166.

²¹³ Там же. С. 45.

завершившиеся заключением «мира по старине и дружбы, как было с великим князем Иваном Васильевичем»²¹⁴.

После неудачного казанского похода Дмитрию Углицкому более не приходилось возглавлять общерусское войско. Тем не менее, имя этого князя в дальнейшем несколько раз упоминается в разрядной книге. Так, в сентябре 1509 года, во время своей поездки в Новгород, Василий III велел Дмитрию быть в своем уделе (как и остальным братьям)²¹⁵. В декабре 1512 года великий князь «вышел с Москвы на литовскую землю» вместе с братом Дмитрием и зятем царевичем Петром. Это был первый поход Василия III на Смоленск. Как отмечает разрядная книга, Дмитрий Иванович находился в полку левой руки, вместе с великокняжескими воеводами Григорием Федоровичем Челядниным-Давыдовым и князем Иваном Федоровичем Ушатым²¹⁶. Взять город не удалось, но уже в июле следующего 1513 года Василий III «пошел в Боровеск своего для дела смоленского». Дмитрий Углицкий снова был рядом с братом, но затем великий князь отправил его в Каширу. Таким образом, в этот раз непосредственно на Смоленск Дмитрий не ходил²¹⁷. Во время последнего смоленского похода 1514 года, завершившегося взятием города, Дмитрий получил приказ стоять в Серпухове²¹⁸. Иоасафовская летопись объясняет, что Дмитрий был отправлен на берега Оки с целью защиты от крымских татар («берегучися от Крымскаго»)²¹⁹. Таким образом, можно предположить, что Василий III все же сохранял определенное доверие к Дмитрию, когда речь шла о военных делах, хотя и не ставил его более во главе войска.

²¹⁴ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 63-66.

²¹⁵ Разрядная книга 1475-1598 гг. С. 44.

²¹⁶ Разрядная книга 1475-1598 гг. С. 48-49.

²¹⁷ Там же. С. 51.

²¹⁸ Там же. С. 54-55.

²¹⁹ Иоасафовская летопись. С. 194.

Помимо личного участия, Дмитрий Углицкий отправлял в походы своих воевод, что также зафиксировано в разрядной книге. Например, во время очередной русско-литовской войны в сентябре 1507 года, когда великий князь послал на литовские земли войско во главе с князьями Василием Стародубским и Василием Шемячичем, в передовом полку присутствовал воевода Дмитрия Углицкого Иван Обляз Вельяминов²²⁰. В мае 1508 года Василий III отправил войско против князя Михаила Глинского. Одну из ратей возглавлял воевода Яков Захарьевич, а в полку левой руки был воевода Дмитрия – Яков Дмитриев сын Давыдова²²¹. В том же году «от Стародубского и от Шемячича ходили воеводы на литовские места». Воевода от Дмитрия Углицкого – Иван Тимофеевич Скрябин – был на этот раз в составе большого полка²²². В сентябре 1508 года «княж Дмитриевы Ивановича воеводы с людьми» (без указания имен) были в большом полку под командованием Василия Холмского²²³. В мае 1512 года против крымских татар великий князь выдвинул войско, в полку левой руки которого был вышеупомянутый Яков Дмитриев сын Давыдова²²⁴. В том же году мы видим этого воеводу на Угре, на этот раз в полку правой руки, причем в большом полку этого же войска также был воевода от Дмитрия – Иван Обляз Вельяминов²²⁵. В 1515 году Яков Давыдов ходил на Мстиславль в составе большого полка²²⁶. В 1519 году «с Лук с Великих ходили воеводы к Полотцку». В полку правой руки был воевода углицкого князя Семен Мятлев²²⁷.

²²⁰ Разрядная книга 1475-1598 гг. С. 38.

²²¹ Там же. С. 39.

²²² Там же. С. 41.

²²³ Разрядная книга 1475-1598 гг. С. 43.

²²⁴ Там же. С. 45.

²²⁵ Там же. С. 46-47.

²²⁶ Там же. С. 56.

²²⁷ Там же. С. 64.

Рассмотрев участие Дмитрия Ивановича во внешнеполитических делах, мы перейдем теперь к внутренней политике князя в Углицком уделе. Следует напомнить, что ранее (с 1462 по 1491 год) этот удел принадлежал князю Андрею Васильевичу Большому, брату Ивана III. В сентябре 1491 года Андрей Васильевич был вызван в Москву и там арестован по обвинению в измене. Спустя два года, в ноябре 1493, углицкий князь скончался в заключении. Двое сыновей Андрея Васильевича, Иван и Дмитрий, также лишились свободы и содержались под стражей в Переславле²²⁸. Таким образом, Дмитрий Иванович получил удел при живых наследниках предыдущего князя, что было отмечено в Угличском летописце: «И, хотя и благ был добродетелно, но чужее восхитил наследие». Это вызывало недовольство многих горожан, которые хотели видеть своими князьями Ивана и Дмитрия Андреевичей («их же наследниками престола княжескаго и природными Углическими государи зваху»). Среди несогласных были и бояре «Андреева княжаго двора». Для удержания ситуации под контролем, по словам Угличского летописца, Дмитрию присылали бояр и военачальников из Москвы. Как утверждает источник, дело не ограничилось простыми разговорами: были и заговоры в пользу заключенных княжичей («многия советы творяху тайно»), и даже какие-то «мятежи» с целью их освобождения. Однако все эти попытки отказались безрезультатны. По словам летописца, неудача могла быть как-то связана с нашествием татар на русские земли в то время («за неудобность такову и брань с татары невозмогше совет... составити гражданы и совершити о заточенных князех их природных»). После возвращения Дмитрия Ивановича из похода на татар его авторитет среди угличан возрос, и отныне они «не смеяху бо более на него враждовати». Сам же Дмитрий, вероятно, убедившись, что теперь его двоюродные братья не представляют для него угрозы, выпросил у Василия III «отрадную некую свободу» для Ивана и Дмитрия Андреевичей. Эта свобода заключалась в том, что узникам выделили особую келью в монастыре, где

²²⁸ Зимин А.А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. С. 163-165.

они содержались, кроме того, княжичи получили ежегодное хлебное и денежное содержание, а также право свободно посещать церковь без охраны²²⁹. Однако из описания архива Посольского приказа следует, что с 1508 по 1514 год Иван и Дмитрий «сидели в тюрьме в Переславле скованы»²³⁰. Вероятно, если ходатайство Дмитрия Ивановича за них и имело место, то реальные послабления заключенные братья получили несколько позже. В любом случае, решающее слово здесь было за великим князем.

Что же касается сообщения летописца о настроениях жителей Углича, то, как отмечает Ю. Б. Куницына, «можно только предполагать, как относились горожане к новому князю». Исследовательница указывает, что в памяти угличан период после ареста князя Андрея Васильевича был связан с «обысками», переселением жителей в другие места и разорением города²³¹. М. М. Бенцианов полагает, что после присоединения Углицкого удела Иван III «всерьез боялся встретить сопротивление со стороны местных служилых людей». При этом, согласно наблюдениям историка, некоторые служилые люди Андрея Васильевича перешли на службу московскому князю еще в 1480-е годы. Те же, кто остался служить Андрею Васильевичу, после его «поимания» продолжили свою карьеру на великокняжеской службе, хотя и не занимали на ней высоких должностей²³². Нам представляется, что какие-то конфликты местных жителей (в том числе бывших представителей двора Андрея Углицкого) с новым князем и представителями московской администрации действительно могли иметь место на начальном этапе, однако, к сожалению, источники не позволяют нам восстановить подробную картину происходившего.

²²⁹ Угличский летописец. С. 45.

²³⁰ ДДГ. С. 471.

²³¹ Куницына Ю.Б. С тенью прав князя владетельного... С. 52.

²³² Бенцианов М.М. Государев двор и территориальные корпорации служилых людей русского государства в конце XV – середине XVI в. С. 81-82.

Обратимся теперь к земельной политике Дмитрия Ивановича. Как уже отмечалось выше, самая ранняя из дошедших до нас грамот углицкого князя датируется 1504 годом, она предназначалась Покровскому монастырю. 8 марта 1505 года Дмитрий выдал грамоту уже светскому землевладельцу – Григорию Васильевичу Грязному. Князь давал ему в кормление волость Озерца «под Микитою Козловским». В грамоте указывалось, какие отношения должны были быть между Григорием Грязным и местным населением: дети боярские и все прочие люди должны были слушаться и чтить Грязного, он же, в свою очередь, должен был управлять «по старине, как было преж сего». Судебные дела между жителями волости должны были разбирать сам Григорий Грязной или его тиун²³³. В данной грамоте речь идет о подмосковных владениях углицкого князя, и сама она была написана в Москве. Что касается самого Григория Грязного, то следует отметить, что его дед и отец также некоторое время служили в Углицком уделе (при княжении Андрея Васильевича Большого). Сам Григорий, за исключением непродолжительного периода службы у Василия Ивановича (еще при жизни Ивана III), служил главным образом в уделах – у Дмитрия Углицкого и Андрея Старицкого. Сыном Григория был Василий Грязной, впоследствии получивший известность как опричник и приближенный Ивана Грозного²³⁴.

1506 год ознаменовался выдачей сразу нескольких грамот монастырям. 17 февраля Дмитрий выдал грамоту Кирилло-Белозерскому монастырю, в которой разрешал беспошлинный провоз соли по территории своего удела²³⁵. 4 апреля (вероятно, незадолго до отправления в поход на Казань) углицкий князь пожаловал строителя (настоятеля) Симонова монастыря Мисаила жалованной несудимой и заповедной грамотой. Эта грамота касалась жителей 18 монастырских деревень, расположенных в Углицком уезде. Они освобождались от суда наместников и волостелей Дмитрия Ивановича (кроме

²³³ АСЗ. Т. I. С. 60.

²³⁴ Там же. С. 329-333.

²³⁵ Зимин А.А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. С. 167.

душегубства и разбоя с поличным), а также от кормов и поборов. Кроме того, в грамоте Дмитрий запретил своим людям незвано ездить «на пир и на братчины» в эти деревни. Оговаривался возможный случай, если кто-либо нарушит запрет и это приведет к трагическим последствиям: «А учиница у них в том пиру какова гибель, и та гибель платити незваному без суда и без исправы». В конце грамоты Дмитрий Иванович угрожал опалой тем, кто «изобидит» монастырских людей²³⁶. Вернувшись из похода, Дмитрий выдал две грамоты (30 сентября и 1 октября) игумену Троице-Сергиева монастыря Досифею. Первая грамота касалась спора монастыря со слободчиком углицкого князя Семеном (Сенькой) Фоминым сыном Бородатого. Слободчик отвел у монастыря 54 деревни с починками. Дмитрий Иванович провел «обыск», по результатам которого убедился, «что те земли истарины троицкие Сергиева монастыря». Князь приказал вернуть земли «по старине» монастырю²³⁷. Вторая грамота позволяла монастырским судам беспошлинно ходить мимо Углича и Мологи²³⁸.

21 ноября 1507 года грамоту от Дмитрия Ивановича получила семья служилых людей: Волох Иванов сын Суседов, его сноха Анна Рахманиновская жена, ее сыновья Иванец, Васюк и Андреец. Они владели четырьмя деревнями в Углицком уделе. Дмитрий освободил жителей этих деревень от суда своих наместников и передал право на суд Волоху Суседову и его родственникам (как обычно в таких грамотах, кроме душегубства и разбоя с поличным). В случае разбирательств между людьми Суседова и углицкого князя предполагался совместный суд²³⁹. 26 июня 1510 года

²³⁶ АФЗХ (АМСМ). С. 7.

²³⁷ АРГ. С. 30.

²³⁸ Там же. С. 30-31.

²³⁹ АСЗ. Т. II. С. 291-292.

Дмитрий выдал такую же несудимую грамоту Федору Алексееву сыну Давыдову на село Перекладово с деревнями²⁴⁰.

5 января 1511 года Дмитрий Иванович выдал грамоту игумену Кирилло-Белозерского монастыря Ивану, в которой освободил жителей двух монастырских деревень от дани, пошлин и повинностей в свою пользу («ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят»), а также от суда своих наместников²⁴¹. 19 июня жалованная кормленная грамота была выдана Игнатию Терентьеву сыну Перского. Углицкий князь дал ему в кормление волость Озерцы под Белецей Безобразовым в своих подмосковных владениях. В 1514 или 1515 году действие грамоты было продлено до января 1516 года. Следует отметить, что в этой грамоте указано имя подписавшего ее дьяка – Василий Нефимонов²⁴². 7 августа 1511 года Дмитрий своей грамотой освободил Покровский монастырь во главе с игуменом Ионой от содержания княжеских «ездоков»²⁴³.

13 января 1516 года Дмитрий Иванович дал льготную грамоту Иосифо-Волоцкому монастырю, игуменом которого в то время был Даниил, будущий митрополит московский. Князь позволил монастырским людям возить товары в Новгород и Белоозеро через территорию его удела без уплаты пошлин²⁴⁴. 26 апреля того же года тарханную (то есть освобождавшую от податей и повинностей) и несудимую грамоту получил Покровский монастырь (игумен Ферапонт)²⁴⁵. Самая поздняя из известных нам жалованных грамот Дмитрия датирована 18 марта 1520 года. Она была

²⁴⁰ Угличские акты. С. 3.

²⁴¹ Там же. С. 4.

²⁴² АСЗ. Т. II. С. 258.

²⁴³ *Зимин А.А.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. С. 167; *Капитанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. [Часть первая] // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 317.

²⁴⁴ АФЗХ. Ч. II. С. 68.

²⁴⁵ *Зимин А.А.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. С. 167; *Капитанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. С. 323.

выдана игумену Кирилло-Белозерского монастыря Макарию. Отныне представители монастыря могли возить через Углицкий удел соль и рожь в Дмитров и обратно, не платя при этом пошлины²⁴⁶.

Таким образом, нам известны в общей сложности 14 жалованных грамот Дмитрия Углицкого²⁴⁷. Из них 10 были выданы монастырям (по 3 – Покровскому монастырю в Угличе и Кирилло-Белозерскому монастырю, 2 – Троице-Сергиеву монастырю, по 1 – Симонову и Иосифо-Волоцкому монастырям) и 4 – светским землевладельцам. Можно ли на основании данных грамот сделать какие-либо выводы о политике Дмитрия Ивановича? С. М. Каштанов отвечает на этот вопрос утвердительно. По мнению исследователя, с помощью раздачи жалованных грамот удельные князья стремились укрепить границы своих владений. Так, с 1510 года Дмитрий Иванович активно участвовал в борьбе за Бежецкий уезд, который ранее принадлежал Семену Ивановичу, а теперь находился под контролем Василия III. Претензии Дмитрия обозначились, когда углицкий князь выдал одному из своих вассалов (Федору Давыдову) грамоту на земли, примыкавшие к территории Бежецка. К числу действий, направленных на овладение Бежецким уездом, С. М. Каштанов относит также выдачу в 1511 году грамот Кирилло-Белозерскому и Покровскому монастырям. Как полагает историк, в борьбе за данный уезд также активно участвовал и Юрий Дмитровский. Однако благодаря активной раздаче жалованных грамот Василий III к концу 1511 года смог утвердить свою власть в Бежецком уезде²⁴⁸. Затем происходит некоторый спад активности во внутренней политике Дмитрия. Но уже в начале 1516 года углицкий князь предпринял попытку укрепить свое положение в уделе, выдав грамоту Иосифо-Волоцкому монастырю, в которой,

²⁴⁶ РИБ. Т. 32. С. 162.

²⁴⁷ С.М. Каштанов в своем списке грамот указывает еще одну тарханно-проезжую грамоту углицкого князя Кирилло-Белозерскому монастырю, разрешавшую беспошлинно купить товару на 20 руб. Она не сохранилась, но упоминается в другой грамоте тому же монастырю от 1538 года. Датировка этой грамоты неизвестна (Каштанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. С. 307).

²⁴⁸ Каштанов С.М. Из истории последних уделов. С. 290-291.

по словам С. М. Каштанова, «был... зафиксирован весь основной состав княжества Дмитрия». В 1517-1518 годах противостояние великого князя с удельными братьями получило новый импульс в связи с окончательным переходом к Василию III удела Семена Калужского. С. М. Каштанов считает, что в это время Дмитрий Углицкий претендовал на Бежецк или часть Волоцкого княжества. Исследователь пишет даже о резком конфликте между Василием III и Дмитрием из-за претензий углицкого князя, который «вел себя весьма агрессивно в отношении соседей». Кроме того, Дмитрий претендовал и на часть Дмитровского удела князя Юрия, тем более, что он имел там опорную точку – Рогачево, полученное по завещанию отца. Тем не менее, Юрию удалось отстоять свой суверенитет в Дмитровском уезде. Это показывает его проезжая грамота, выданная в начале 1521 года Кирилло-Белозерскому монастырю²⁴⁹.

В. Д. Назаров заметил, что иммунитетные пожалования углицкого князя как монастырям, так и светским землевладельцам «соответствовали нормам великокняжеских грамот, налоговые привилегии в них практически отсутствовали». Единственным случаем, когда Дмитрий предоставил значительные льготы, исследователь считает выдачу грамоты Иосифо-Волоцкому монастырю в 1516 году. В. Д. Назаров указывает и на тот факт, что князь контролировал покупки монастырями земель на территории своего удела²⁵⁰.

По нашему мнению, жалованные грамоты Дмитрия Ивановича (очевидно, дошедшие до нас далеко не в полном составе), все же могут в некоторой степени осветить его политику, в том числе и соперничество с братьями. В этом смысле интересной представляется работа С. М. Каштанова, хотя, как мы полагаем, этот историк все же несколько преувеличил степень противостояния Дмитрия Углицкого и Василия III. Мы

²⁴⁹ Каштанов С.М. Из истории последних уделов. С. 292-296.

²⁵⁰ Назаров В.Д. Дмитрий Иванович. С. 443-444.

вряд ли можем согласиться с характеристикой политики Дмитрия как агрессивной по отношению к соседям. Углицкий князь главным образом хотел укрепить свое положение в собственном уделе, вероятно, желал несколько увеличить его, но говорить о его значительных территориальных амбициях мы не имеем достаточных оснований. Если кто из удельных князей и представлял определенную угрозу для Василия III, то это был Юрий Дмитровский²⁵¹. Кроме того, говоря о политике Дмитрия в отношении монастырей, мы не должны забывать о том, что, помимо политического аспекта, существовал еще и религиозный. Например, мы вполне допускаем, что решение углицкого князя по делу о земельном конфликте между его слободчиком и Троице-Сергиевым монастырем, по которому монастырь получил обратно 54 деревни, могло быть мотивировано как благодарность Богу за избавление от гибели или плена после неудачного похода на Казань. Конечно, мы никогда не узнаем, что именно двигало Дмитрием, но подобное действие соответствовало религиозному мировоззрению людей того времени. В таком случае и выдача грамоты со значительными привилегиями Симонову монастырю буквально накануне похода также может иметь под собой религиозную основу.

Исследуя удельную политику Дмитрия Ивановича, мы не можем обойти стороной вопрос о служилых людях этого князя. Имена некоторых из них мы уже называли – это воеводы из разрядной книги. Перечислим их еще раз: Василий Алексеевич Давыдов, Яков Дмитриевич Давыдов, Иван Васильевич Обляз Вельяминов, Иван Тимофеевич Скрыбин, Семен Григорьевич Мятлев. Давыдовы представляли собой одну из ветвей Морозовых, которых А. А. Зимин охарактеризовал как старейший боярский род, еще с середины XIV века связанный с Москвой. Василий Алексеевич и Яков Дмитриевич приходились друг другу двоюродными братьями. Родным братом Василия был Федор Давыдов, получивший в 1510 году жалованную грамоту от Дмитрия на свои земельные владения. Вероятно, Давыдовы имели

²⁵¹ *Каутанов С.М.* Из истории последних уделов. С. 284-285.

прочные связи с Углицким уделом. Известно, что Дмитрий Давыдович, отец Якова, служил князю Андрею Васильевичу Углицкому еще с 1460-х годов²⁵².

К числу древнейших боярских родов относились и Вельяминовы. Отец Ивана Обляза, Василий Федорович, в годы правления Ивана III служил его брату, князю Юрию Васильевичу Дмитровскому, а младший брат будущего углицкого воеводы Иван Шадра после ареста Андрея Васильевича в 1491 году был послан в Углич в качестве наместника. Что же касается самого Ивана Оболяза, то он поочередно служил в трех уделах: сначала Ивану Борисовичу Рузскому, затем Дмитрию Ивановичу Углицкому, затем Юрию Ивановичу Дмитровскому. Впоследствии Иван Обляз перешел на великокняжескую службу и стал наместником в Стародубе²⁵³. Иван Тимофеевич Скрябин, как и Давыдовы, происходил из рода Морозовых, причем из более старшей ветви²⁵⁴. Семен Григорьевич Мятлев являлся потомком рода Ратшичей, служившего московским князьям с XIV века²⁵⁵. Следует отметить, что дети некоторых из вышеупомянутых воевод также служили в Угличе: в дворовой тетради 1550-х годов среди «княж Дмитреевских Ивановича» людей названы сын Якова Давыдова Григорий и сыновья Семена Мятлева Иван и Андрей²⁵⁶.

Еще несколько имен людей, служивших князю Дмитрию Ивановичу, сохранились в земельных актах. Так, до нас дошла докладная купчая старца Троице-Сергиева монастыря Нифонта, купившего деревню у землевладельцев Углицкого уезда (датирована 22 марта 1507 года). Из этого источника следует, что земельные дела докладывались некоему князю

²⁵² Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России. С. 234-239.

²⁵³ Там же. С. 157-161.

²⁵⁴ Там же. С. 236.

²⁵⁵ Там же. С. 161-167.

²⁵⁶ ТКиДТ. С. 205-206.

Владимиру Ивановичу²⁵⁷. По мнению А. А. Зимина, это был князь Барбашин, представитель одной из ветвей Суздальских князей²⁵⁸. В разъезжей грамоте, также относящейся к землям Троице-Сергиева монастыря и датированной 1509 или 1510 годом, указаны двое детей боярских Дмитрия Углицкого: Яков Булгак Степанов сын Савельева и Иван Ширий Дмитриев сын Кожухова²⁵⁹.

Существенные дополнения по данному вопросу внесла работа Л. И. Ивиной. Исследовательница использовала ретроспективный метод, задействовав в качестве одного из источников писцовую книгу конца 20-х – начала 30-х годов XVII века. Л. И. Ивина пришла к выводу, что сопоставление данных писцовой книги с данными Тысячной книги и Дворовой тетради (начало 1550-х годов), а также со сведениями разрядов, позволяет в некоторых случаях получить информацию о землевладельцах первой половины XVI века²⁶⁰. Например, Л. И. Ивина отметила следующих владельцев поместий и вотчин в уделе Дмитрия Углицкого: Шумихины, Плещеевы, Облязовы²⁶¹, Лошаковы, Голочеловы²⁶², Упины, Кокошкины²⁶³, Шершавины²⁶⁴, Волынские, Колударовы²⁶⁵, Сатины, Белкины²⁶⁶,

²⁵⁷ АРГ. С. 36-37.

²⁵⁸ *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России. С. 67-72.

²⁵⁹ АРГ. С. 60-61.

²⁶⁰ *Ивина Л.И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в. С. 31-32.

²⁶¹ Там же. С. 43.

²⁶² Там же. С. 50.

²⁶³ Там же. С. 58.

²⁶⁴ Там же. С. 60.

²⁶⁵ Там же. С. 65.

²⁶⁶ Там же. С. 73.

Нефимоновы²⁶⁷, Едигеевы²⁶⁸, Маракушевы²⁶⁹, Болотеины²⁷⁰, Квашнины²⁷¹ и некоторые другие. По словам исследовательницы, «с начала XVI в. источники Угличской земли пестрят упоминаниями о поместьях. Происходит интенсивная раздача угличских волостных земель на поместном праве»²⁷².

Ранее мы уже упоминали и такие фамилии, как Грязные, Суседовы, Перские. Представители данных фамилии могли быть связаны с Углицким уделом еще до передачи его Дмитрию: например, как показала Л. И. Ивина, Суседовы еще во второй половине XV века имели здесь село с деревнями²⁷³. В духовной грамоте Дмитрия Ивановича названы постельничий князя Андрей Иванов сын Белкина, дьяки Василий Нефимонов, Тиша Михалков, Небогатой Исаков сын Дубровина, бараш (шатерничий) Волох Суседов и боярин князь Андрей Федорович Хованский²⁷⁴. Последний обращает на себя внимание как один из немногих представителей титулованных родов на службе углицкого князя. Хованские вели свою родословную от великого князя литовского Гедимина. А. А. Зимин отметил, что, в отличие от своих родственников Патрикеевых, Хованские не приобрели прочных позиций при великокняжеском дворе и были связаны с удельными князьями. Сам Андрей Федорович служил вначале князю Федору Борисовичу Волоцкому, а после его смерти перешел в Углицкий удел. Дочь Андрея Федоровича впоследствии вышла замуж за удельного князя Андрея Старицкого²⁷⁵. Относительно дьяков

²⁶⁷ Там же. С. 75.

²⁶⁸ Там же. С. 78.

²⁶⁹ Там же. С. 83.

²⁷⁰ Там же. С. 88.

²⁷¹ Там же. С. 93.

²⁷² Там же. С. 70.

²⁷³ Там же. С. 60.

²⁷⁴ ДДГ. С. 411-414.

²⁷⁵ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России. С. 29-30.

Дмитрия Углицкого можно обратиться к исследованию А. Ю. Савосичева. Как показал этот историк, Нефимоновы были связаны с Угличем еще с первой половины XV века, Дубровины служили при князе Андрее Васильевиче, Михалковы же появляются здесь впервые только в начале XVI века²⁷⁶. Василий Нефимонов ранее служил великому князю Ивану III²⁷⁷. Также есть сведения о связях этого дьяка с Дмитровским уделом, в котором Нефимонов имел вотчину²⁷⁸. О Тимофее Михалкове известно, что он после ликвидации Углицкого удела вошел в число великокняжеских дьяков²⁷⁹. Его сыновья служили в Государевом Дворе²⁸⁰.

Подводя итог, мы можем сказать, что в число служилых людей Дмитрия Углицкого входили как те, кто начинал служить в Угличе ранее, так и новые лица. Следовательно, несмотря на репрессии против князя Андрея Васильевича, его служилая корпорация не была заменена полностью. Это вполне соответствует сведениям Угличского летописца, который, как мы цитировали выше, пишет о наличии в Угличе уже при Дмитрие бояр «Андреева двора». В состав двора углицкого князя входили и представители видных родов (например, Морозовых, хотя и не старшей их ветви). В большинстве своем они не имели титулов, хотя встречаются и отдельные представители княжеских фамилий.

О том, чем занимался в это время сам Дмитрий Иванович, мы имеем крайне мало сведений. Даже Угличский летописец ограничивается лишь утверждением, что Дмитрий правил «богоугодно, исправляя вся по закону и гражданская строения добротворно»²⁸¹. В житии Иосифа Волоцкого

²⁷⁶ Савосичев А.Ю. Дьяки и подьячие XIV-XVI веков: происхождение и социальные связи. С. 318-319.

²⁷⁷ Там же. С. 315.

²⁷⁸ Там же. С. 154.

²⁷⁹ Там же. С. 320.

²⁸⁰ Там же. С. 326.

²⁸¹ Угличский летописец. С. 46.

говорится, что Дмитрий, по примеру старшего брата, делал пожертвования Иосифо-Волоцкому монастырю, чтобы тот имел возможность помогать бедным²⁸². Герберштейн отмечает присутствие Дмитрия на охоте вместе с великим князем, в которой посол участвовал сам (1517 год)²⁸³. Дмитрию Ивановичу приписывают строительство нескольких храмов в Угличе и близ него. По словам В. Д. Назарова, в действительности речь может идти только о постройке в последние годы жизни Дмитрия церкви во имя святого Алексия, митрополита московского, в одноименном монастыре²⁸⁴. По другой версии, приведенной Ю. Б. Куницыной, церковь во имя митрополита Алексия начали строить при Дмитрие, но завершили уже после его смерти. Также Ю. Б. Куницына предполагает, что Дмитрий мог построить еще несколько церквей – например, в духовной грамоте названы две церкви в честь святого Дмитрия Солунского, который был покровителем углицкого князя²⁸⁵. Имя Дмитрия Ивановича упоминается в грамоте казанского царевича Петра Ибрагимовича Пырю Осокину. Царевич наказывал Осокину спросить о здоровье князя Дмитрия: «Как тебя, господина нашего, Бог милует?». Также в этой грамоте Петр Ибрагимович хотел узнать у Василия III, нужно ли спрашивать о здоровье митрополита Варлаама, и если нужно, то кого прежде – митрополита или Дмитрия?²⁸⁶

Около 1520 года у Дмитрия, по-видимому, произошла некая размолвка с великим князем. Это можно понять из наказных речей, которые Василий III приказал передать Дмитрию через своего приближенного Ивана Шигону. Василий III напоминал брату, что приказывал ему «учинить управу» в «Козельских делех и в Ушатого». Дмитрий же, как утверждал великий князь,

²⁸² ВМЧ. С. 483-484.

²⁸³ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 575.

²⁸⁴ Назаров В.Д. Дмитрий Иванович. С. 444.

²⁸⁵ Куницына Ю.Б. С тенью прав князя владетельного... С. 53.

²⁸⁶ Акты Юшкова. С. 74. Петр Ибрагимович (до крещения носивший имя Куйдакул) с 1506 года был женат на сестре Дмитрия и Василия III Евдокии (Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 75).

не только «управы не учинил», но и послал своих людей грабить деревни вышеупомянутого Ушатого. Василий III отправил по этому поводу грамоту углицкому князю с Федорцом Борисовым, но ответа так и не получил. Затем Дмитрий все же отправил ответное послание, однако оно лишь вызвало большее недовольство великого князя: «Прислал еси к нам паробка такого, какого было тебе паробка к нам непригоже посылати, а писал еси к нам в той грамоте, о таких о великих делех нам вычитаа». Василий III просил брата вспомнить завещание Ивана III («а у тебя с тое грамоты список есть», напоминал он), в котором тот указывал младшим сыновьям относиться к Василию, как к отцу. Поведение Дмитрия явно не соответствовало этому: «А ты ко мне так отвечивал..., и в грамоте еси своей к нам писал: ино, брате, так ли отцу отвечивают и в грамотах пишут?» Василий писал, что не знает, какую «нечесть и обиду» учинил он брату и призывал последнего «памятовать» наказ отца. Завершается речь в примирительном тоне. Василий указывал, что требования к Дмитрию пойдут ему же во благо: «И для своего к тебе жалования, и для своего добра, как есми брата своего жаловал и добро свое к тебе держал и свыше иных своей братьи». Кроме того, Василий III призывал Дмитрия не давать повода для радости неким «недругам» и «лиходеям», «которой меж нас лиха хочет»²⁸⁷. По мнению А. А. Зимина, этот конфликт был вызван столкновением боярских детей Козельска и Воротынска (великокняжеские владения) с жителями Мезецка (владение Дмитрия Углицкого), в результате которого последние были пограблены «по великого князя веленью». Источники относят это событие к марту 1520 года. Чем закончился этот спор, неизвестно. Упомянутыми в конце речи недругами могли быть, как полагает ученый, крымский хан Мухаммед-Гирей и Сигизмунд I, король польский и великий князь литовский²⁸⁸. Можно предположить, что конфликт начался на местном уровне, затем Дмитрий Иванович вступился за своих людей, что вызвало недовольство Василия III.

²⁸⁷ АИ. С. 530-531.

²⁸⁸ *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 210.

Во всяком случае, мы полагаем маловероятным, чтобы Дмитрий исключительно по собственной инициативе вступил в противостояние с братом, которому, как нам представляется из остальных фактов биографии углицкого князя, он был вполне лоялен. Сам текст речей скорее показывает, что великий князь не желал перерастания этого конфликта в открытое противостояние с Дмитрием и хотел поддерживать с ним дружественные отношения, при этом, однако, не забывая о собственном исключительном положении. Известно также, что существовала dokonчальная грамота Василия III и Дмитрия Углицкого, регулировавшая их взаимоотношения. Сама она не сохранилась, но о ее наличии свидетельствует опись Царского архива²⁸⁹. Были и другие не дошедшие до нас грамоты, как от Василия к Дмитрию, так и от Дмитрия к Василию²⁹⁰.

В феврале 1521 (7029) года углицкий князь Дмитрий Иванович скончался в возрасте 39 лет. Большинство летописей датируют это событие 14 февраля и отмечают его лишь одной фразой: «Преставися князь Дмитрей Иванович, брат великого князя Василья»²⁹¹. Несколько более информативно сообщение Вологодско-Пермской летописи. Она отмечает, что «благочестивый князь Дмитрией Иванович» умер 14 февраля в четверг «в своей отчине на Углече», а похоронен был 23 февраля в субботу в московском Архангельском соборе²⁹². Ту же дату похорон Дмитрия сообщает Владимирский летописец, также замечая, что углицкий князь был погребен возле Дмитрия Ивановича Донского. Смерть князя здесь датируется 13 февраля «на Федорове недели в среду в вечер»²⁹³.

²⁸⁹ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. С. 21.

²⁹⁰ Там же. С. 36, 62.

²⁹¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 269; ПСРЛ. Т. 13. С. 37; ПСРЛ. Т. 20. С. 401.

²⁹² ПСРЛ. Т. 26. С. 310.

²⁹³ ПСРЛ. Т. 30. С. 415.

Но наиболее подробный рассказ о кончине и погребении углицкого князя содержится в Типографской летописи. Согласно этому источнику, 8 февраля Дмитрий Иванович тяжело заболел («начат изнемогати зелне телеснем недугом»). Князь послал к Василию III Андрея Квашнина, чтобы оповестить брата о своей болезни. Получив это известие, Василий был в «велице оунынии» и захотел поехать в Углич навестить Дмитрия. Однако 13 февраля «в 8 час дни» Дмитрий умер. К дому покойного князя пришли его бояре «и все ближники», а также многочисленные представители духовенства. Они положили тело Дмитрия в гроб в церкви Преображения, «яко Иосиф и Никодим тело Исусово». Вероятно, такое сравнение могло несколько смутить читателей, поэтому автор рассказа счел нужным объяснить, почему считает его допустимым: «О сем бо никто в предковение да не придет, понеже царь и царский сын носит образ Божий». Дальше идет весьма яркое описание всеобщего плача угличан по Дмитрию. Князя оплакивали и «великие» люди, и «простая чадь», не только взрослые мужчины и женщины, но и дети: «Юныя отрочата клича и слез дома своя исполняша, аки по своих родителех слезы лияше». В речах от лица представителей различных групп населения Углича (бояр, духовенства, горожан, нищих) Дмитрий характеризуется как «государь ласковый и тщивый», «чадолюбивый отец», заботившийся обо всех без исключения своих подданных. Затем архимандрит Воскресенского монастыря Ефрем послал к Василию III Ивана Андреева сына Белкина с известием о смерти брата. Эта новость произвела тяжелое впечатление на великого князя, который «начаша сетовати зелне и слезы испущати горце» и будто бы даже сказал, что видел в Дмитрие не только брата, но и наследника «царствию своему». Василий III отправил в Углич Семена Ивановича Воронцова, его сына Михаила и некоторых других бояр, чтобы они привезли тело Дмитрия в столицу. Но в Угличе московские посланцы столкнулись с сопротивлением местных жителей, которые «не всхотеша давати тела государьского». Семену Воронцову с трудом удалось выполнить поручение великого князя. При

огромном стечении народа углицкие бояре понесли гроб с телом князя на своих головах, при этом люди стремились прикоснуться к гробу, как к чудотворной раке. Все это сопровождалось «кличем и воплем», от которого, по выражению летописи, тряслась земля. По дороге процессия посетила Переславль и Троице-Сергиев монастырь, где ее встречали соответственно игумен Горицкого монастыря Иона и троицкий игумен Порфирий, с множеством людей. Наконец, умершего углицкого князя привезли в Москву, где его ждали сам Василий III, митрополит Варлаам, московские бояре и много простых жителей города. Все они плакали и рыдали, пока гроб несли в Архангельский собор²⁹⁴. Как полагают исследователи, автором этого повествования мог быть упоминавшийся в нем архимандрит Ефрем, духовник Дмитрия Ивановича²⁹⁵. По всей видимости, рассказ содержит некоторые преувеличения. Например, вряд ли можно поверить, что все москвичи оплакивали смерть углицкого князя. Однако, отношение угличан к Дмитрию здесь, скорее всего, передано верно. За годы своего правления (около 17 лет) Дмитрий мог заработать уважение среди местного населения, хотя изначально, как мы отмечали, оно восприняло нового князя не вполне доброжелательно²⁹⁶. Вызывают интерес слова, приписываемые Василию III, согласно которым он желал видеть Дмитрия своим наследником. Мог ли этот эпизод повествования иметь под собой реальную основу? Как известно, великий князь в то время еще не имел собственных детей. Соответственно, наследовать ему должен был один из братьев, старшим из которых был Юрий Дмитровский. Отношения Василия и Юрия были весьма сложными, на что обращали внимание и исследователи. По словам С. М. Каштанова, Юрий Дмитровский отличался наибольшей активностью среди удельных князей и

²⁹⁴ ПСРЛ. Т. 24. С. 218-221.

²⁹⁵ Назаров В.Д. Дмитрий Иванович. С. 443; Куницына Ю.Б. С тенью прав князя владетельного... С. 53. Духовным отцом архимандрита Ефрема называет Дмитрий в своем завещании (ДДГ. С. 414).

²⁹⁶ В.Д. Назаров полагает, что, хотя рассказ Типографской летописи рисует образ идеального правителя, тем не менее, в нем отражены реальные качества Дмитрия (Назаров В.Д. Дмитрий Иванович. С. 444).

надеялся занять великокняжеский стол²⁹⁷. Василий III видел в Юрии опасность для себя²⁹⁸. А. А. Зимин также отмечал напряженные отношения между двумя братьями и писал об опасениях великого князя по этому поводу²⁹⁹. А. И. Филюшкин полагает, что для Василия было неприемлемо отдавать престол «ненавистному брату Юрию»³⁰⁰. Вероятно, Дмитрий, следовавший по старшинству за Юрием, действительно был бы более желательным наследником для великого князя, хотя их взаимоотношения тоже не были идеальными. При этом, конечно, лучшим вариантом с точки зрения Василия III была передача престола будущему сыну, а не кому-либо из братьев.

Также некоторые подробности последних дней жизни Дмитрия Ивановича содержит Угличский летописец. Как и Типографская летопись, Угличский летописец говорит о болезни Дмитрия перед смертью. Чувствуя приближение кончины, князь позвал к себе игумена Даниила Переславского, который и ранее пользовался большим уважением Дмитрия, любившего беседовать со старцем на духовные темы. Дмитрий сообщил Даниилу Переславскому свою последнюю волю: во-первых, он хотел быть похороненным в Москве, «с прародители его», во-вторых, князь завещал в вечное владение монастырю Даниила село Будовское, утвердив свое решение «грамотами и печатми». Смерть Дмитрия Угличский летописец датирует, как и большинство других источников, 14 февраля³⁰¹.

До нас дошла духовная грамота Дмитрия Ивановича. Начинается она с перечисления монастырей, которые должны получить пожалования (в том

²⁹⁷ *Каишанов С.М.* Из истории последних уделов. С. 278-279.

²⁹⁸ Там же. С. 284.

²⁹⁹ *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 417.

³⁰⁰ *Филюшкин А.И.* Василий III. С. 139. Одновременно А.И. Филюшкин здесь же называет и Дмитрия главным соперником Василия, с чем мы вряд ли можем согласиться.

³⁰¹ Угличский летописец. С. 45-46. Следует указать, что летописец ошибочно называет возраст Дмитрия на момент смерти (44 года вместо 39 лет).

числе земельные) по душе Дмитрия. Так, Чудов монастырь должен был получить село Дубки с деревнями в Зубцовском уезде, Кирилло-Белозерский монастырь – село Кобаново с деревнями в Углицком уезде, Иосифо-Волоцкий монастырь – село Фаустову Гору с деревнями в Зубцовском уезде, Никитский монастырь в Переславле – село Микитино с деревнями в Угличе. Особо выделялись в грамоте углицкие монастыри: Воскресенский, Покровский, Николо-Улейминский, Учемский, Михаила Архангела в Бору, Афанасьевский на Мологе, «монастырек» Алексия Чудотворца «в Огневе слободе». Все они наделялись земельными владениями. Воскресенский монастырь, архимандрит которого был духовником князя, получил сразу два сельца (Синцово и Олифниково). Существенные пожалования достались Николо-Улейминскому и Алексеевскому монастырям, получившим, соответственно, села Нефедьево и Некоуз. Еще большее количество монастырей в разных городах получало денежные пожалования (среди них, например, Пафнутьев монастырь в Боровске, Хутынский монастырь в Новгороде). Далее в грамоте идет перечисление движимого имущества из казны Дмитрия: предметов одежды, посуды, драгоценностей. Некоторые вещи отмечены как подарки Василия III: «судно с рукоядью и с носком», «ковш болшой грановит», несколько других ковшей, две братины. Упоминаются в грамоте и деньги Дмитрия («тысяча рублев»). Затем Дмитрий перечисляет села и деревни, купленные у местных землевладельцев: у Иванца и Яковца Плишкиных князь приобрел сельцо Юрьевское с деревнями, у Иванца Тура Меньшого – село Воскресенское с деревнями, у Гриди Шаршавина «з братьею» - семь деревень на реке Корожашне, у Ивана Юрлова Меньшого – село Инково с деревнями, у Ивана Голочочла Дмитриева сына Давыдова – село Рожественное с деревнями. Дмитрий Иванович просил Василия III вернуть эти поселения прежним владельцам, выдав тем купчие грамоты «безденежно». Также Дмитрий хотел, чтобы великий князь дал свободу его зависимым людям и позаботился о них: «Штобы ис тех людии которой без леп не погибл, а на моеи душе то не легло». Кроме того, Дмитрий просил отдать поручные записи своим

служилым людям³⁰². В. Д. Назаров расценивает духовную грамоту как «своеобразный итог хозяйственной деятельности» Дмитрия Ивановича. Исследователь отметил, что в списке монастырей, представленном в грамоте, преобладают местные углицкие обители – как по количеству, так и по размерам вкладов. В. Д. Назаров видит в этом признак укорененности Дмитрия в жизни удела. Также В. Д. Назаров обратил внимание на отсутствие вкладов в кремлевские соборы, в некоторые известные московские монастыри, а также в монастыри южной части удела Дмитрия³⁰³. Л. И. Ивина на основании духовной грамоты сделала заключение, что князь «жаловал монастырям обжитые земли, часто принадлежавшие волости или находившиеся в поместном фонде»³⁰⁴. По мнению Ю. Б. Куницыной, грамота показывает потрясающую способность Дмитрия Ивановича приумножать богатства³⁰⁵. А. А. Зимин заметил, что в духовной грамоте не затронут вопрос непосредственно о наследовании удела. Историк предположил, что, возможно, на момент составления грамоты Дмитрий еще надеялся вступить в брак и иметь наследника³⁰⁶. Нам представляется, что этому можно дать и другое объяснение. По-видимому, Дмитрий понимал, что после его смерти удел неизбежно достанется великому князю, поэтому считал бессмысленным оговаривать вопрос о наследовании княжества в духовной грамоте. Тем более, перед ним были примеры скончавшихся ранее Федора Волоцкого (1513 год) и Семена Калужского (1518 год), чьи уделы были присоединены к великокняжеским владениям.

Действительно, после смерти Дмитрия Ивановича его удел отошел к великому князю. Еще были живы два углицких княжича, сыновья Андрея

³⁰² ДДГ. С. 409-414.

³⁰³ Назаров В.Д. Дмитрий Иванович. С. 444.

³⁰⁴ Ивина Л.И. Внутреннее освоение земель России в XVI в. С. 68.

³⁰⁵ Куницына Ю.Б. С тенью прав князя владетельного... С. 53.

³⁰⁶ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 210-211.

Васильевича. Но они не представляли опасности для Василия III, поскольку уже давно находились в заключении. Иван Андреевич в 1523 году умер. Дмитрий Андреевич все же получил свободу, но уже при Иване IV, в 1540 году (таким образом, он провел в неволе около 48 лет)³⁰⁷. Скорее всего, завещание Дмитрия Ивановича относительно вкладов в монастыри было исполнено. Известно, например, что в июне 1522 года Василий III в грамоте игумену Иосифо-Волоцкого монастыря Нифонту подтвердил получение монастырем села Фаустовой Горы с деревнями. Великий князь сразу же освободил жителей новых монастырских владений от пошлин и повинностей и от своего суда³⁰⁸. Что касается служилых людей Дмитрия, то они теперь могли перейти либо на великокняжескую службу, либо в продолжавшие существовать уделы (Дмитровский и Старицкий). М. М. Бенцианов отмечает, что некоторые выходцы из бывшего Углицкого княжества получали поместья от великого князя в Можайском и, вероятно, Вяземском уездах³⁰⁹. А. А. Зимин, исследуя события, связанные с осуждением Максима Грека и Ивана Никитича Берсена Беклемишева (1525 год), обратил внимание, что в деле был замешан Яков Дмитриевич Давыдов, ранее упоминавшийся как один из воевод Дмитрия Ивановича³¹⁰. Значит, можно предположить, что не все бывшие служилые люди углицкого князя были довольны своим новым положением.

Подводя итог этой части нашей работы, мы можем сказать, что, несмотря на недостаточное количество источников, нам представляется возможным охарактеризовать жизнь и деятельность князя Дмитрия Ивановича Углицкого. Во-первых, следует отметить его участие во внешнеполитических делах, в том числе в крупных военных походах. Вряд

³⁰⁷ *Филлюшкин А.И.* Василий III. С. 139.

³⁰⁸ АФЗХ. Ч. II. С. 83-84.

³⁰⁹ *Бенцианов М.М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей русского государства в конце XV – середине XVI в. С. 242, 266.

³¹⁰ *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 275.

ли можно сказать, что Дмитрий обладал большим полководческим талантом: оба похода под его командованием окончились поражением русских войск. В то же время, было бы неправильно винить в неудачах только Дмитрия, поскольку было немало других, не зависящих от него факторов. Эти походы не были бессмысленными, полученный в них опыт пригодился в дальнейшем. Во-вторых, нужно указать на то, что внутренняя политика, проводимая Дмитрием, скорее всего, отвечала интересам населения его удела. Мы можем видеть, как менялось отношение угличан к своему князю: от практически открытого неприятия в начале его правления, до всеобщей скорби после его кончины. Недостаток источникового материала не позволяет полностью воссоздать картину развития Углицкого удела в годы правления Дмитрия Ивановича, однако мы все же можем отметить развитие монастырского и служилого землевладения в этом княжестве. В-третьих, взаимоотношения Дмитрия с Василием III были в целом вполне нормальными, хотя и не без отдельных конфликтов. Дмитрий, как нам представляется, не претендовал на великокняжеский престол и не представлял реальной опасности для Василия. В то же время, он стремился сохранить полноту власти в своем уделе, что не могло не вызывать определенного недовольства великого князя, желавшего полностью контролировать все действия своих братьев.

Глава III. Князь Семен Иванович Калужский

Семен Иванович был четвертым сыном Ивана III от второго брака. Родился он 21 марта 1487 (6995) года, «в 7 час дни»³¹¹. Вологодско-Пермская летопись отмечает, что великокняжеского сына крестил архимандрит Спасского монастыря Елисей, а также указывает, в честь какого именно святого Семиона получил имя будущий калужский князь («иже в Персиде»)³¹².

Имя Семена Ивановича мы можем видеть в дипломатических актах, относящихся к переговорам с великим княжеством Литовским. В феврале 1501 года Александр Казимирович отправил посольство в Москву во главе с паном Станиславом Нарбутом. Здесь впервые посол «правил поклон» в том числе и Семену Ивановичу³¹³. Когда посольство отправилось в обратный путь, Семен был в числе передававших поклоны великому князю Александру³¹⁴. Как мы помним, Дмитрий Углицкий упоминается в этих источниках с 10-летнего возраста, Семену же на момент первого упоминания было почти 14 лет. В целом, его имя появляется здесь существенно реже, чем имя Дмитрия. В марте-апреле 1503 года в Москве шли переговоры о заключении мира. Александра Казимировича представляли Петр Мишковский и Станислав Глебович. Литовские послы передали поклоны от великого князя Александра и великой княгини Елены членам семьи Ивана III, включая Семена Ивановича³¹⁵. Семен также передавал поклоны Александру

³¹¹ ПСРЛ. Т. 12. С. 218.

³¹² ПСРЛ. Т. 26. С. 278.

³¹³ Сборник РИО. Т. 35. С. 310.

³¹⁴ Там же. С. 324.

³¹⁵ Там же. С. 363-365.

Казимировичу и сестре³¹⁶. В мае того же года Иван III отправил в Литву боярина Петра Плещеева и Константина Заболоцкого для подтверждения перемирных грамот. Семен упоминается здесь в числе прочих сыновей великого князя, передающих поклоны Александру и Елене³¹⁷.

Об участии Семена Ивановича во внутривосполитических делах того времени сведений нет. Можно лишь предположить, что в сентябре-ноябре 1503 года Семен вместе с отцом и братьями посетил Троице-Сергиев монастырь, Переславль, Ростов и Ярославль³¹⁸. Вскоре после этого Иван III составляет духовную грамоту. В ней были обозначены уделы всех его сыновей. Семен Иванович получил города Калугу, Козельск, Бежецкий Верх «с волостми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами». Отдельно были поименованы козельские волости: Серенск, Людимск, Коробки, Вырки, Сенища, Сытичи, Выино, Липицы, Взбынов, Верх-Серена, Луган, Местилово, Кцын, Хвостовичи, Порыски, Борятин, Орень, Хостцы, Жеремин, Сныхово, Ивановское Бабина село Незнаново. Этот список, вероятно, неполный, так как упоминаются и «иные места». В Москве Семену достались сельцо Луцинское с мельницей и псарней, слободка «княж Васильевская Ромодановского», села Звереве и Бараново (отмечены как «Розсудовские села за Похрою»). Определена была сумма «ордынского выхода» с удела Семена: «Шестьдесят рублей и пять рублей без дсяти денег». Также по завещанию Семен получал «крест золот Михайловскои владычен», и, как и другие сыновья, ларцы с «казной»³¹⁹.

При этом, если Юрий и Дмитрий получили свои уделы еще при жизни отца, то Семен и самый младший сын Ивана III Андрей, по сообщению Типографской летописи, были «даны на руки» Василию, который и должен

³¹⁶ Там же. С. 409.

³¹⁷ Там же. С. 412-415.

³¹⁸ ПСРЛ. Т. 12. С. 257-258.

³¹⁹ ДДГ. С. 358-363.

был дать им положенные по завещанию уделы³²⁰. Как полагает С. М. Каштанов, великий князь был вынужден принять такое решение вследствие позиции Василия Ивановича³²¹. Исследователи высказывали разные предположения насчет того, когда же Семен Иванович получил удел. Д. И. Малинин писал, что Семен прибыл в Калугу в 18-летнем возрасте, то есть уже в 1505 году³²². Иную точку зрения можно найти у С. М. Каштанова. Этот историк обратил внимание на то, что в декабре 1505 года бежецкие акты (относящиеся к землям, положенным по завещанию Семену Ивановичу) подписывались на имя великого князя. Их подтверждения Семеном известны лишь с января 1509 года. Таким образом, С. М. Каштанов пришел к заключению, что Семен не получал своего удела до начала данного года³²³. А. А. Зимин считал, что удел перешел к Семену Ивановичу приблизительно в 1507 году, поскольку в одном из источников упоминаются воеводы из удела Семена под 7015 годом³²⁴. В пользу последней версии высказались С. Н. Кистерев³²⁵, А. Ф. Жохов³²⁶ и А. И. Филюшкин³²⁷. Конечно, вряд ли можно точно датировать возникновение удела на основании самого раннего упоминания о нем в актах: следует учитывать, что многие источники того времени до нас не дошли. Тем не менее, можно обоснованно утверждать, что Семен Иванович вступил в фактическое владение своим уделом не сразу после смерти Ивана III.

³²⁰ ПСРЛ. Т. 24. С. 215.

³²¹ *Каштанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI века. С. 223.

³²² *Малинин Д.И.* Из Калужской старины. С. 24.

³²³ *Каштанов С.М.* Из истории последних уделов. С. 286.

³²⁴ *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 98.

³²⁵ *Кистерев С.Н.* К истории калужско-бежецкого удела в начале XVI века. С. 16.

³²⁶ *Жохов А.Ф.* Калуга XVI века и князь Симеон. С. 54.

³²⁷ *Филюшкин А.И.* Василий III. С. 135.

В отличие от Углича, Калуга в первый (и, как оказалось, последний) раз стала центром удельного княжества. Как отметил А. А. Зимин, в состав нового удела были включены бывшие владения Андрея Васильевича Углицкого, а также некоторые земли, присоединенные к Московскому государству после недавней войны с Литвой. При этом, Семен был единственным из братьев, кто не получил земель бывшего великого княжества Тверского³²⁸. А. Ф. Жохов обратил внимание на то, что земли нового удела были разбросаны по разным концам Московского государства. Наибольшее количество волостей было сосредоточено в южной части удела, поэтому исследователь считает неслучайным тот факт, что Семен Иванович выбрал местом жительства именно Калугу³²⁹.

Сохранилось очень мало источников, относящихся к внутренней политике калужского князя в своем уделе. 18 января 1509 года Семен Иванович выдал игумену Троице-Сергиева монастыря Памве грамоту. В ней указывалось, что из монастырского села Присеки в Бежецком Верхе нужно посылать людей на княжескую охоту: «На медведи, и на лоси, и на олени с сохи по пяти человек»³³⁰. Известна также правая грамота, выданная крестьянам того же села Присеки по земельной тяжбе и относящаяся к 1509 или 1510 году. Из нее можно узнать, что судебные дела в Бежецком Верхе от имени Семена Ивановича разбирал князь Василий Иванович Голенин³³¹. С. М. Каштанов на основании этого источника пришел к выводу, что в конце 1509 года Семен Иванович был отозван в Москву. Возможно, некоторое время он продолжал формально считаться князем Бежецкого удела, но реально делами в уделе распоряжался великокняжеский вельможа³³². Для

³²⁸ *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 63-65.

³²⁹ *Жохов А.Ф.* Калуга XVI века и князь Симеон. С. 30.

³³⁰ АРГ. С. 54.

³³¹ Там же. С. 58-60.

³³² *Каштанов С.М.* Из истории последних уделов. С. 286. Таким образом, согласно С.М. Каштанову, правление Семена в уделе продолжалось фактически менее года.

А. А. Зимина данная грамота являлась доказательством того, что «власть князя Семена была больше номинальна, чем реальна»³³³. Однако нам представляется более убедительной точка зрения С. Н. Кистерева. Этот исследователь справедливо заметил, что, согласно грамоте, Василий Голенин вершит суд как представитель не великого князя, а Семена Ивановича. Также С. Н. Кистерев предложил более точную датировку правой грамоты: апрель 1510 года³³⁴.

В мае того же 1510 года монастырские крестьяне получили новую правую грамоту по тяжбе между ними и волостным крестьянином. Дело рассматривал все тот же Василий Голенин, и опять он судил «по княж Семенову слову Ивановичя»³³⁵. Известно, по крайней мере, об одном земельном вкладе Семена Калужского в монастырь. Как сообщает летописец Николаевского Антониева монастыря, Семен Иванович пожаловал этому монастырю земли в Бежецком Верху: села Преображение Спасово на Холму и Живоначальной Троицы, и вместе с ними 28 деревень³³⁶. Из судного списка 1540 года по тяжбе монастырских людей с великокняжескими крестьянами мы можем узнать, что при князе Семене писцы Иван Данилов и Третьяк Лызлов «писали весь Бежитцкой Верх»³³⁷. Это событие относят к 1509 году³³⁸.

Как видно, дошедшие до нас источники об удельной деятельности Семена Ивановича касаются Бежецкого Верха. Калужских грамот Семена не сохранилось. Д. И. Малинин расценивал этот факт как доказательство того,

³³³ *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 98.

³³⁴ *Кистерев С.Н.* К истории калужско-бежецкого удела в начале XVI века. С. 16-17.

³³⁵ АРГ. С. 65-68.

³³⁶ *Гадалова Г.С.* «Летописец о зачати Бежецкого верха Николаевского Антониева монастыря...». С. 45.

³³⁷ АФЗХ (АМСМ). С. 68-70.

³³⁸ *Кистерев С.Н.* К истории калужско-бежецкого удела в начале XVI века. С. 17.

что «власть Калужского князя была слабой и призрачной»³³⁹. Об одном эпизоде из жизни Семена Ивановича в Калуге рассказывает устное предание, записанное Д. П. Богдановым. Однажды, в день пророка Илии (20 июля), князь отправился на охоту. Внезапно лошадь Семена, испугавшись чего-то, бросилась вниз с крутого склона горы. Семен Иванович мог разбиться насмерть, однако остался невредим. В благодарность за чудесное спасение князь заказал иконописцу написать образ Илии, который пожаловал в Ильинскую церковь. Эта икона сохранилась до наших дней. Согласно другому варианту этого рассказа, Семен Иванович построил возле места своего спасения церковь-однодневку. При этом и сам Д. П. Богданов, и редактор издания В. И. Асонов выразили сомнения в достоверности этого известия. Как отметили исследователи, в углу иконы, где обычно помещали изображение покровителя жертвователя, изображены святые Василий и Анастасия, а не святой Симеон. Святая Анастасия, вероятно, указывает на супругу дарителя, князь же Семен Иванович никогда не был женат. По замечанию В. И. Асонова, с преданием может быть связан образ Симеона Богоприимца из церкви святого Георгия, написанный в 1507 году³⁴⁰. Конечно, проверить достоверность этого рассказа вряд ли представляется возможным. Но сам факт существования в народе такого предания позволяет нам не согласиться со словами Д. И. Малинина, что Семен Иванович «в памяти калужан прошел совершенно бледным, незаметным пятном»³⁴¹.

Необходимо также затронуть вопрос о служилых людях Семена Калужского – тем более, как будет впоследствии показано, они сыграли важную роль в судьбе своего князя. Под 1507 годом в разрядной книге упомянуты три воеводы калужского князя, отправленные из удела в Белев: Василий Тимофеевич Юрлов Плещеев, князь Александр Васильевич Кашин и

³³⁹ Малинин Д.И. Из Калужской старины. С. 21.

³⁴⁰ Богданов Д.П. Князь Симеон Иоаннович Калужский. С. 6.

³⁴¹ Малинин Д.И. Из Калужской старины. С. 21.

Булгак Денисьев³⁴². Плещеевы были видным боярским родом, жившим в Москве еще в начале XIV века. Отец упомянутого выше воеводы, Тимофей Михайлович Плещеев (по прозвищу Юрло), служил окольным. Один из его сыновей, Иван Большой, бежал в Литву. Возможно, этим объясняется последующая опала на Василия Юрлова, который был пострижен в монахи³⁴³. Кашины принадлежали к роду князей Оболенских (одна из младших ветвей). Александр Васильевич позднее занимал весьма важные должности: воеводы рязанского, стародубского, посла в Крыму. Вероятно, он сохранил связи с бывшим уделом Семена Ивановича, так как его сын в середине XVI века служил по Калуге³⁴⁴. Булгак Денисьев был выходцем из рязанского боярства. Точно неизвестно, служил ли он Семену Ивановичу, или же был только на время придан к его войску³⁴⁵. Также невозможно с уверенностью сказать, служил ли в уделе упомянутый ранее князь Василий Иванович Голенин, представитель князей Ростовских. Согласно более ранним сведениям, он входил в великокняжеский административный аппарат, занимаясь главным образом земельными делами³⁴⁶. Как отмечалось выше, в одной из грамот названы два писца князя Семена: Иван Данилов и Третьяк Лызлов. Даниловы возводили свой род к Александру Нетше, будто бы приехавшему в Москву «из немец» при Иване Калите³⁴⁷. В середине XVI века по Калуге и Бежецкому Верху служили представители таких княжеских родов, как Ромодановские, Охлябинины, Дашковы, Барятинские³⁴⁸. Однако остается неизвестным, были ли они связаны с этими землями еще во времена Семена Ивановича или же появились там позже.

³⁴² Разрядная книга 1475-1605. С. 98.

³⁴³ *Жохов А.Ф.* Калуга XVI века и князь Симеон. С. 50.

³⁴⁴ Там же. С. 48-49.

³⁴⁵ Там же. С. 51-52.

³⁴⁶ Там же. С. 49.

³⁴⁷ *Жохов А.Ф.* Калуга XVI века и князь Симеон. С. 50.

³⁴⁸ *Зимин А.А.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. С. 178-179.

Одно из самых значимых событий в жизни Семена Калужского произошло в январе 1511 года. По сообщению ряда летописей, удельный князь совершил попытку побега в Литву. Как повествует Никоновская летопись, Семен Иванович захотел убежать «от брата своего князя Василя Ивановича всеа Руси». Великий князь «сведаль» это и велел Семену явиться в Москву. «И хотел на него [Семена Ивановича – А. Б.] опалу свою възложити», - поясняет летописец. Однако калужский князь стал выражать раскаяние («за свою вину начят бити челом государю»), к тому же за Семена «печаловались» церковные иерархи во главе с митрополитом Симоном и братья (источник не сообщает, кто именно). В итоге Василий III простил Семена («вины ему отдал»), но переменял его бояр и детей боярских³⁴⁹. Такой же рассказ содержится в Воскресенской³⁵⁰, Ермолинской³⁵¹, Львовской³⁵², Уваровской³⁵³, Софийской II³⁵⁴, Иоасафовской³⁵⁵ летописях. Отличается сообщение Типографской летописи: это источник указывает точную дату, когда великому князю пришла весть о желании Семена бежать (28 января) однако о дальнейшем развитии событий не пишет³⁵⁶. Вологодско-Пермская летопись раскрывает причину поступка калужского князя: Семен действовал под влиянием «своих младых безумных советников». Также данная летопись рисует выразительную картину примирения братьев, сравнивая Семена с блудным сыном, а Василия III называя «благоутробным» и «непаметозлобивым» государем. Великий князь будто бы «облобыза» раскаявшегося брата и простил ему «прегрешение», а на «безумных его

³⁴⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 13.

³⁵⁰ ПСРЛ. Т. 8. С. 252.

³⁵¹ ПСРЛ. Т. 23. С. 199.

³⁵² ПСРЛ. Т. 20. С. 384.

³⁵³ ПСРЛ. Т. 28. С. 346.

³⁵⁴ ПСРЛ. Т. 6. С. 251.

³⁵⁵ Иоасафовская летопись. С. 158.

³⁵⁶ ПСРЛ. Т. 24. С. 217.

советников» положил опалу. Однако их наказание было временным, гнев Василия затем сменился на милость, и он «пожаловал» виновных³⁵⁷. В летописи, опубликованной в виде приложения к Хронографу 1512 года, сообщаются некоторые подробности: узнав о намерениях брата бежать, великий князь послал к нему своего дворецкого Василия Андреевича Челяднина и дьяка Елизара Цыплятева, «а велел ему ехать к себе, а речи к нему жаловалныя приказал, а печаловался о нем Симон митрополит»³⁵⁸.

Данный эпизод вызывал определенное внимание исследователей. Его отметил еще Н. М. Карамзин, назвав в своем труде такие причины, толкнувшие Семена на этот поступок, как его «пылкий нрав и легкомыслие», влияние «некоторых мятежных бояр», недовольство «самовластьем» великого князя и «стеснением древних прав князей удельных»³⁵⁹. С. М. Соловьев, в отличие от Н. М. Карамзина, не стал давать характеристику личным качествам Семена Ивановича, для него этот случай – прежде всего бессильная попытка удельного князя освободиться от нового порядка отношений с великим князем³⁶⁰. Д. П. Богданов не соглашался с карамзинской оценкой личности князя, однако в целом указал те же причины: Семен Иванович и его бояре были недовольны давлением Василия III на удельных князей. Как предположил Д. П. Богданов, молодой князь «не был чужд постороннему влиянию»³⁶¹. Д. И. Малинин придавал решающее значение позиции бояр Семена Ивановича. По мнению исследователя, Семен получил бояр от отца, и они могли быть недовольны новым великим князем. Эти бояре, вероятно, указывали Семену на более свободное положение князей в Литве. Также Д. И. Малинин высказал точку зрения, что на решение

³⁵⁷ ПСРЛ. Т. 26. С. 302.

³⁵⁸ ПСРЛ. Т. 22. С. 516.

³⁵⁹ Карамзин Н.М. Полная история государства Российского в одном томе. С. 824.

³⁶⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. 1463-1584. С. 370.

³⁶¹ Богданов Д.П. Князь Симеон Иоаннович Калужский. С. 3.

Семена бежать могла повлиять смерть в заключении Дмитрия Внука в 1509 году³⁶². С. Н. Кистерев посчитал, что «в настоящий момент не представляется возможным сколько-нибудь достоверно определить истинные причины, побудившие калужского князя к совершению столь рискованного шага»³⁶³. При этом, некоторые современные исследователи вообще сомневаются, что Семен Иванович действительно хотел бежать. Так, А. Ф. Жохов допускает, что калужского князя могли оклеветать. Исследователь отметил несколько причин в пользу такой точки зрения. Во-первых, Семен Иванович был набожным православным человеком, а в Литве того времени православие страдало от притеснений (из-за чего местные князья, принадлежавшие к этой конфессии, переходили на службу Москве). Во-вторых, если Семен действительно хотел бежать, то это было бы несложно сделать, из-за близости границы. В-третьих, имеются странности в самом летописном рассказе: Василий III вызывает брата в Москву, чтобы наложить опалу, Семен, вместо того, чтобы бежать, спокойно едет в столицу, где к нему не применяют никаких репрессивных действий (например, ареста). В то же время, А. Ф. Жохов не отвергает полностью достоверность летописных известий. Возможно, Семен все-таки действительно хотел бежать из-за ограничения своих прав со стороны Василия, но не успел, «ибо ответные действия великого князя были упреждающе точны и решительны»³⁶⁴. А. И. Филлюшкин также избегает однозначных суждений по данному вопросу. Ученый отмечает, что обвинения в намерении уехать в Литву (реальном или мнимом) были для московских властей средством борьбы с удельными князьями. Неизвестно, насколько это обвинение было справедливо относительно Семена Калужского³⁶⁵.

³⁶² *Малинин Д.И.* Из Калужской старины. С. 24.

³⁶³ *Кистерев С.Н.* К истории калужско-бежецкого удела в начале XVI века. С. 18.

³⁶⁴ *Жохов А.Ф.* Калуга XVI века и князь Симеон. С. 44-45. Признает А.Ф. Жохов и возможное недовольство калужских бояр великим князем (Там же. С. 39).

³⁶⁵ *Филлюшкин А.И.* Василий III. С. 138.

Действительно, мы не можем с уверенностью сказать, хотел ли Семен Иванович бежать. Возможно, имели место какие-то разговоры Семена с приближенными (упомянутыми в летописи как «безумные советники»), о которых стало известно великому князю. Вряд ли у Семена был продуманный план побега. Следует сказать, что годом раньше мысль о побеге возникла у старшего из удельных князей – Юрия Дмитровского. Рассказ об этом содержится в житии Иосифа Волоцкого. Житие повествует, как однажды, по внушению дьявола и наговорам «злых человек», великий князь захотел «поймать» брата. Юрий, узнав об этом, отправился в монастырь Иосифа Волоцкого. Дмитровский князь рассказал игумену, что опасается безвинно пострадать от Василия, из-за чего его люди советуют ему отъехать из Московского государства («отступити дале»). Сам же Юрий Иванович колебался и просил совета у Иосифа. Волоцкий игумен велел князю не уезжать (иначе «на тебе будет слава в веки изменная») и посоветовал ему покориться старшему брату. Юрий согласился внять совету игумена, но также попросил самого Иосифа приехать к великому князю и рассказать обо всем. Иосиф не смог поехать сам из-за болезни, но послал от себя двух старцев: Кассиана Босого и Иону Голову. С помощью посредничества Иосифа братья помирились. В благодарность Юрий пожаловал Иосифо-Волоцкому монастырю село³⁶⁶. Можно предположить, что с Семеном Калужским произошла похожая история. Характерно, что в обоих случаях князьям помогло заступничество духовенства. При этом у Семена были сменены бояре и дети боярские. Вероятно, дело здесь было не только в участии некоторых из них в разговорах насчет побега (в летописи было отмечено, что «безумные советники» понесли особое наказание, хотя и были затем прощены). Как указал А. И. Филюшкин, «в средневековье, учитывая тесную личную связь господина со своим двором, это была довольно действенная

³⁶⁶ ВМЧ. С. 485-488. Примирение Юрия и Василия датируют июлем 1510 года (Филюшкин А.И. Василий III. С. 137).

мера: на какое-то время Семен остался один, в окружении новых, чужих людей»³⁶⁷.

По всей видимости, Семен Иванович не отделался переменной двора. Данные имеющихся источников позволяют предположить, что князь вскоре после вышеупомянутых событий потерял часть своего удела. С. М. Каштанов посчитал, что в 1511 году был окончательно ликвидирован Бежецкий удел. Исследователь отметил, что в декабре этого года Василий III выдал Богоявленскому монастырю в Москве на село, расположенное в Бежецком Верху. С. М. Каштанов пришел к выводу, что к концу 1511 года великий князь утвердил свою власть в Бежецком уделе³⁶⁸. По утверждению С. Н. Кистерева, Семен Калужский потерял весь свой удел. В доказательство своей точки зрения С. Н. Кистерев привел надпись на рукописи Жития Григория Омиритского из Синодального собрания Государственного исторического музея. В ней говорилось об удельных князьях, живших на момент создания рукописи, в 7025 (1516/17) году. Про Семена сообщалось, что он был «тогда на Москве, поне свел князь великий с его уделу, да жил на Москве и до смерти». Чтобы точно датировать время потери князем удела, историк использовал акты источники. С. Н. Кистерев обратил внимание на жалованную грамоту царя Михаила Федоровича (1626 год), где упоминались грамоты Василия III относительно Калужского уезда, относящиеся к 7019 и 7020 годам. Исходя из этого, ученый предложил датировать ликвидацию Калужского удела временем от 1 сентября 1511 года до 31 августа 1512 года. С. Н. Кистерев склонялся к мнению, что Семен потерял Калугу одновременно с Бежецким Верхом, еще в 1511 году³⁶⁹.

Однако, как будет показано в нашей работе далее, в мае 1512 года Семен Иванович жил в Калуге и оборонял город от крымских татар. Не

³⁶⁷ *Филюшкин А.И.* Василий III. С. 138.

³⁶⁸ *Каштанов С.М.* Из истории последних уделов. С. 291; Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI века. С. 254-255.

³⁶⁹ *Кистерев С.Н.* К истории калужско-бежецкого удела в начале XVI века. С. 18-20.

исключено, что переход его удела в фактическое владение великого князя шел постепенно. Иоасафовская летопись сообщает, что во время похода великого князя на Смоленск в декабре 1512 года великий князь оставил Семена в Москве, вместе с младшим братом Андреем. В сентябре 1513 года Василий снова пошел на Смоленск, и опять Семен остается в столице, на этот раз вместе с царевичем Петром Ибрагимовичем³⁷⁰. Можно предположить, что именно с конца 1512 года Семен Иванович утратил реальную власть над своим уделом. Возможно, он был переведен в Москву под почетным предлогом, чтобы на период отсутствия великого князя в столице оставался кто-то из его ближайших родственников. Во всяком случае, нам представляется, что фактическое лишение Семена удела, во-первых, последовало не сразу после событий января 1511 года (иначе, зачем было Василию менять двор князя Семена, если после утраты удела он бы и так лишился связи с ним), во-вторых, не имело формы открытой опалы (официально князь был прощен по печалованию митрополита). Какие-то номинальные права на удел у Семена Ивановича, по-видимому, сохранялись до конца жизни³⁷¹.

Второе важное событие в жизни Семена Ивановича не нашло отражения в общерусских летописях. Сведения о нем сохранились в летописной записи из Калужского Лаврентьева монастыря. Сама запись до нас не дошла, но ее текст был опубликован. Приведем полностью этот небольшой рассказ, процитировав Калужскую летопись: «В лето 7020 нападоша на град агаряны, против которых вышел князь Семен Иоаннович Калужский со своими гражданами. Праведный Лаврентий, в дому его бывший, внезапно возопи гласом велиим: дадите ми секиру острую; нападоша псы на князя Симеона, да обороню от псов его, да возьму отыде. Князю же

³⁷⁰ Иоасафовская летопись. С. 192, 194. Ранее (сентябрь 1509 года) Василий III, отправляясь в Новгород, велел Семену быть в Калуге (Разрядная книга 1475-1598 гг. С. 44).

³⁷¹ Например, С.М. Каштанов относил «официальный переход удела Семена к великому князю» к 1518 году, хотя отзыв удельного князя в Москву датировал еще 1509 годом (*Каштанов С.М.* Из истории последних уделов. С. 294).

Симеону бившуся с агаряны с насады на Оке, агарянам же во множестве обступившим князя, внезапно обретеся на насаде праведный Лаврентий, укрепляя его и все воинство ободрив реки си: не бойтеся, и в тот час победи князь и прогна их, а праведный Лаврентий обретеся паки в дому княжеском, аки юродствуя и говоря: обороних от псов князя Симеона. Князь возвратився от брани поведав бывшее, како явися праведный и его укреплением и помощью победил врагов нашедших на город Калугу». Составители Калужской летописи отметили, что в мае 1512 года крымские татары во главе с сыновьями хана «ворвались в области Белевские и Одоевские, злодействовали там как разбойники и бежали, узнав, что князь Даниил Щеня спешил их встретить». Возможно, один из отрядов этого войска и напал на Калугу, что нашло отражение в летописной записке³⁷².

Как указал современный исследователь В. А. Волков, крымские набеги на южные русские «украины» начались в 1507 году, но первоначально были неудачны. С 1510 года шли переговоры Сигизмунда I и Менгли-Гирея, имевшие цель организовать нападение крымцев на земли Московского государства. Еще до заключения соглашения, но уже «по тайным «наводам» литовской стороны», был совершен набег во главе с сыновьями хана Ахмед-Гиреем и Бурнаш-Гиреем. В. А. Волков пишет, что «атакованными оказались почти все земли по окскому рубежу от белевских и одоевских мест и до рязанских, в том числе и Калужское удельное княжество». Татарские конные отряды быстро передвигались и успевали уходить из-под удара великокняжеских войск. Часто самим жителям городов и селений приходилось отбиваться от врага. Итогом этого нашествия стал уход татарского войска в степь с большим полонем³⁷³. О том, как могли происходить боевые действия непосредственно у Калуги, высказал предположение И. Е. Горолевич. Он указал на крайне тяжелое положение калужан: старая крепость, построенная еще во второй половине XIII века

³⁷² Калужская летопись. С. 29.

³⁷³ Волков В.А. Битва на Оке 1512 года. С. 157-159.

литовцами в устье Калужки, была заброшена, а новая крепость («Симеоново городище») на реке Ячейке находилась в стороне и еще не была достроена. По мнению И. Е. Горолевича, план князя Семена мог заключаться в том, чтобы не допустить татар на левый берег Оки, атаковав их на переправе. Семен учел, что татарская конница наиболее уязвима в воде, и вывел ей наперерез калужскую дружину в насадах (больших крытых речных судах). Этот прием князя позволил ему одержать победу над превосходящими силами противника. Отсутствие в общерусских летописях сообщений о таком выдающемся военном успехе И. Е. Горолевич объясняет сложными отношениями Василия III с Семеном Ивановичем и ревностью великого князя к воинской славе младшего брата³⁷⁴. Вместе с тем, другой исследователь, В. А. Иванов, допустил сомнения в значимости данной битвы. По словам В. А. Иванова, изложенный в летописной записке рассказ имел целью «создание образов идеальных героев, которые были бы образцом для подражания», но был далек от действительности. Так, Никоновская летопись ничего не сообщает об участии в отражении крымского набега 1512 года князя Семена Ивановича, а командующим называет великокняжеского воеводу Даниила Щеню. Из этого В. А. Иванов сделал вывод, что если сражение у Калуги и имело место, то оно «должно быть причислено к незначительным эпизодам локального характера, а потому, оставшимся вне поля зрения русских (московских) летописцев»³⁷⁵.

Вполне возможно, что битва у Калуги действительно не имела большого значения для Московского государства в целом (хотя не следует отбрасывать и версию о том, что великокняжеские летописцы обошли вниманием победу удельного князя по политическим причинам). Однако для местных жителей это было, безусловно, важное событие. Рассказ о нем пользовался популярностью. Он был включен в «Чудеса Лаврентия Калужского» - агиографический памятник, созданный во второй половине

³⁷⁴ Горолевич И.Е. «Сеча на водах Оки» у города Калуги в 1512 году. С. 78.

³⁷⁵ Иванов В.А. Святой праведный Лаврентий Калужский и монастырь его имени. С. 225-226.

XVII века³⁷⁶. Известны также изображения Семена Ивановича и юродивого Лаврентия в церквях Калуги. Например, Д. П. Богданов указал, что в Казанской церкви изображены святой Лаврентий с секирой и Семен, причем последний назван «святым благоверным князем»³⁷⁷. Как отметил искусствовед В. Г. Пуцко, изображение битвы на Оке с участием Лаврентия сохранилось на иконе конца XVIII века³⁷⁸.

Затронув данный сюжет, нам необходимо сказать и о его втором герое – юродивом Лаврентии Калужском, чье имя неразрывно связано с князем Семеном Ивановичем. Сведений о жизни этого человека сохранилось очень мало. Существует версия, что Лаврентий происходил из боярского рода Хитрово. Она основана на том, что имя юродивого стоит первым в помяннике (синодике) этого рода, хранившемся в одном из монастырей. Однако, архимандрит Леонид (Кавелин) посчитал это недостаточным доказательством, так как существовала традиция помещать в начале помянников своего рода «имена мужей известных святостию своей жизни, для выражения уважения к ним». По словам церковного историка, установить происхождение Лаврентия не представляется возможным: в монастырской записи сказано лишь, что «отца же его и матери никто же сведом, древних ради лет бывших»³⁷⁹. Вместе с тем, современный исследователь В. А. Иванов не считает необходимым однозначно отвергать версию о родстве Лаврентия с боярами Хитрово. Он обратил внимание, что ни в каких синодиках других родов имени этого святого нет. Отсутствие иных свидетельств о происхождении Лаврентия В. А. Иванов полагает возможным объяснить его

³⁷⁶ Романова А.А. Чудеса Лаврентия Калужского // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т-Я. Дополнения. СПб, 2004. С. 238-239.

³⁷⁷ Богданов Д.П. Князь Симеон Иоаннович Калужский. С. 5.

³⁷⁸ Пуцко В.Г. Иконы с изображениями калужских святых // Тысячелетие Крещения Руси: Русь в Европе: Материалы Междисциплинарного и Экуменического симпозиума в г. Галле в Саксонии 13-16 апреля 1988 г. Лейпциг, 1993. С. 537.

³⁷⁹ Леонид (Кавелин). Историческое описание Калужского Лаврентьева монастыря. С. 9-10.

отказом от родства, что встречалось у юродивых³⁸⁰. В упомянутом выше синодике Лаврентий назван «юродивым иноком», хотя никакие другие источники не указывают на его монашество³⁸¹. Предания, неоднократно упоминаемые исследователями, рассказывают, что еще до событий 1512 года Лаврентий пользовался расположением Семена Ивановича и даже жил в его доме³⁸². Из всех чудес, приписываемых юродивому, только одно произошло при его жизни – помощь князю Семену в битве с «агарянами»³⁸³. Нам представляется, что этот рассказ, хотя и содержит легендарные детали, может быть основан на реальных событиях. Конечно, следует учитывать особенности агиографического жанра: не случайно главным героем здесь становится именно Лаврентий, в то время как сами боевые действия под руководством князя Семена Ивановича описываются лишь в самых общих чертах. При этом, вполне вероятно, что Лаврентий действительно мог вдохновлять защитников Калуги: на людей с религиозным сознанием вид вооруженного секирой юродивого, решившего «оборонить» князя, произвел бы сильное впечатление³⁸⁴. Можно предположить, что, когда Лаврентия уже стали почитать как святого, к этой истории было добавлено непосредственно само чудо: перемещение юродивого из княжеского дома на судно в разгар битвы.

Смерть Лаврентия Калужского обычно датируют 10 августа 1515 года³⁸⁵. Но, как указала А. А. Романова, 1515 год мог появиться в результате неправильного прочтения 1512 года, к которому относится единственное

³⁸⁰ *Иванов В.А.* Святой праведный Лаврентий Калужский и монастырь его имени. С. 223-224.

³⁸¹ *Пуцко В.Г.* Иконы с изображениями калужских святых. С. 529.

³⁸² *Амеросий (Орнатский).* История российской иерархии. С. 1020; *Леонид (Кавелин).* Историческое описание Калужского Лаврентьева монастыря. С. 8; *Пуцко В.Г.* Иконы с изображениями калужских святых. С. 529; *Иванов В.А.* Святой праведный Лаврентий Калужский и монастырь его имени. С. 224.

³⁸³ *Романова А.А.* Чудеса Лаврентия Калужского. С. 239.

³⁸⁴ Именно секира стала атрибутом святого Лаврентия. В.Г. Пуцко видит в этом возможную «ассоциативную и неосознанную связь с языческими символами» (*Пуцко В.Г.* Иконы с изображениями калужских святых. С. 539).

³⁸⁵ *Иванов В.А.* Святой праведный Лаврентий Калужский и монастырь его имени. С. 226.

прижизненное чудо Лаврентия³⁸⁶. В. Г. Пуцко обратил внимание на то, что 10 августа празднуется память другого святого Лаврентия, римского мученика – следовательно, можно предположить, что настоящая дата смерти юродивого была забыта³⁸⁷. В одном из списков «Чудес Лаврентия Калужского» открыто признается, что «коликко же бе святыи поживе и в кое лето скончася, неизвестно»³⁸⁸. Похоронен он был в церкви Рождества Христова, по выражению архимандрита Леонида (Кавелина), «с великою честью». Впоследствии на этом месте возник монастырь. Леонид (Кавелин) относил основание обители ко времени правления Семена Ивановича, который был «читителем праведного Лаврентия»³⁸⁹. Эта версия получила распространение среди калужских краеведов, однако точных данных о возникновении монастыря нет. Первый игумен монастыря упомянут под 1564 годом³⁹⁰.

О дальнейшей жизни Семена Ивановича Калужского имеются лишь отрывочные свидетельства. Летом 1514 года Семен участвовал в «Смоленском взятии»³⁹¹. Во время двух предыдущих походов на Смоленск, как мы помним, удельный князь оставался в Москве. В Житии Иосифа Волоцкого говорится о пожертвованиях Семена Ивановича в монастырь Иосифа³⁹². В Калужской летописи сообщается, что в январе 1517 года Семен Иванович пытался бежать в Литву³⁹³. Скорее всего, это ошибочная датировка события 1511 года. Во всяком случае, сведений о конфликтах Семена и Василия в то время источники не содержат. Известно об участии Семена в

³⁸⁶ Романова А.А. Чудеса Лаврентия Калужского. С. 239.

³⁸⁷ Пуцко В.Г. Иконы с изображениями калужских святых. С. 528.

³⁸⁸ Романова А.А. Чудеса Лаврентия Калужского. С. 239.

³⁸⁹ Леонид (Кавелин). Историческое описание Калужского Лаврентьева монастыря. С. 11.

³⁹⁰ Иванов В.А. Святой праведный Лаврентий Калужский и монастырь его имени. С. 226.

³⁹¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 18; Иоасафовская летопись. С. 195. Великого князя также сопровождал Юрий Дмитровский. Непосредственно о действиях Семена во время осады летописцы не сообщают.

³⁹² ВМЧ. С. 484.

³⁹³ Калужская летопись. С. 30.

великокняжеских охотах. Об одной из них, имевшей место в 1517 году, писал Герберштейн³⁹⁴. В мае 1518 года, как отмечает летописец, Семен (вместе с младшим братом Андреем) сопровождал Василия III на «потехе» в Волоке Ламском³⁹⁵.

Летом того же 1518 (7026) года князь Семен Иванович Калужский скончался в возрасте 31 года. Краткий рассказ об этом содержится в ряде летописей (Воскресенская, Никоновская, Иоасафовская). Согласно этим источникам, Семен умер 26 июня, в субботу, «в 12 час дни». Погребен он был в «неделю» (воскресенье, то есть на следующий день после смерти) в московском Архангельском соборе. Летописцы отмечают присутствие на похоронах великого князя с супругой, которые «проводиша тело его со многими слезами». Участвовали в погребении и высшие церковные иерархи во главе с митрополитом Варлаамом, а также находившиеся в то время в Москве представитель константинопольского патриарха митрополит Григорий и афонские старцы³⁹⁶. Практически идентичное сообщение дошло в составе Львовской и Уваровской летописей, только время смерти князя здесь указано другое – 2 часа дня³⁹⁷. В некоторых летописях указывается иная дата кончины Семена: в Типографской летописи – 25 июля³⁹⁸, в Новгородской IV летописи – 27 июня, причем 7027 (1519) года³⁹⁹. Владимирский летописец поименно называет трех владык, присутствовавших на похоронах князя: Сергей Рязанский, Геннадий Суздальский и Досифей Крутицкий⁴⁰⁰.

³⁹⁴ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 575.

³⁹⁵ ПСРЛ. Т. 20. С. 394.

³⁹⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 263; Т. 13. С. 28-29. Иоасафовская летопись. С. 172-173.

³⁹⁷ ПСРЛ. Т. 20. С. 395; Т. 28. С. 355.

³⁹⁸ ПСРЛ. Т. 24. С. 218.

³⁹⁹ ПСРЛ. Т. 43. С. 216.

⁴⁰⁰ ПСРЛ. Т. 30. С. 143.

Скоропостижная смерть молодого князя вызвала предположения некоторых исследователей о причастности к ней Василия III⁴⁰¹. В качестве косвенного доказательства в пользу этой версии приводится рассказ из сочинения Герберштейна. Вот что писал австрийский дипломат о смерти некоего каширского князя: «Некогда у него [у города Каширы – А. Б.] был независимый правитель; его обвинили перед государем Василием, будто он составил заговор убить его, и поэтому государь призвал его к себе под предлогом охоты. Тот явился на охоту при оружии, ибо был предупрежден, чтобы не ходил безоружным, но его тогда не допустили (к государю), а приказали отправиться с государевым секретарем Михаилом Георгиевичем в соседний город Серпухов и там сидеть тихо. Здесь секретарь государев пригласил его выпить, причем, как водится, за благополучие государя. Тогда (каширский князь) понял, что попался в ловушку, из которой ему уже никак не ускользнуть, призвал священника, и, выпив кубок, скончался»⁴⁰². В другом месте своего сочинения Герберштейн упоминает, что по наущению князя Василия Шемячича «государь... схватил каширского князя, а также своего [родного] брата и уморил их в темнице»⁴⁰³.

Если личность упомянутого Герберштейном «государева секретаря» установить несложно – это был приближенный Василия III Михаил Юрьевич Захарьин, впоследствии боярин, то насчет того, кто был независимым правителем Каширы, у историков нет однозначного мнения. А. А. Зимин считал, что Герберштейн имел здесь в виду бывшего казанского хана Абдул-Латифа. По версии С. М. Каштанова, каширским князем Герберштейн назвал Семена Ивановича Калужского. При этом, не исключено, что существовал особый род каширских князей, один из представителей которого мог быть упомянут в «Записках о Московии» (под 1552 годом в источниках назван

⁴⁰¹ *Каштанов С.М.* Из истории последних уделов. С. 293-294; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 189; *Жохов А.Ф.* Калуга XVI века и князь Симеон. С. 44; *Горолевич И.Е.* «Сеча на водах Оки» у города Калуги в 1512 году. С. 78.

⁴⁰² *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. I. С. 315.

⁴⁰³ *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. I. С. 321.

некий князь Андрей Кашырский)⁴⁰⁴. Как нам представляется, вряд ли следует отождествлять каширского князя из сочинения Герберштейна и Семена Калужского. Нет никаких подтверждений, что Семен когда-либо владел Каширой, к тому же, как мы уже отмечали выше, один из источников прямо говорит о том, что Семен Иванович последние годы жизни провел в Москве и скончался там же, а не в Серпухове. Больше подходит к Семену сообщение о родном брате Василия III, будто бы также умершем в темнице (которого Герберштейн не отождествляет с каширским князем, упоминая их как двух разных людей). Однако считать это доказательством насильственной смерти князя Семена, на наш взгляд, нет достаточных оснований. Во-первых, этот брат великого князя не назван Герберштейном по имени, в то время как Семена Калужского дипломат знал и, вероятно, видел лично (на охоте с великим князем). Во-вторых, никакие русские источники не содержат даже косвенных подтверждений данной версии. Нам неизвестно о конфликтах Семена Ивановича и Василия III после 1511 года. Напротив, мы видим, что Семен сопровождал великого князя во время военных походов и «потех», причем последний раз это было примерно за месяц до смерти удельного князя. Вряд ли Василий III видел угрозу для своей власти в Семене, который к тому времени был фактически лишен своего княжества и находился под полным контролем старшего брата. Приняв во внимание все изложенное выше, мы не считаем правильным утверждать, что Семен Иванович умер в заключении или был убит. Вполне возможно, что летописные рассказы о кончине удельного князя соответствуют действительности.

Завещание Семена Ивановича до нас не дошло. А. А. Зимин выразил сомнение, было ли оно вообще составлено⁴⁰⁵. Известно только о существовании dokonчальной грамоты Семена и Василия III, не

⁴⁰⁴ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. II. С. 413-414; Жохов А.Ф. Калуга XVI века и князь Симеон. С. 44.

⁴⁰⁵ Зимин А.А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. С. 177.

сохранившейся, но упомянутой в описи Царского архива⁴⁰⁶. Как уже было сказано, большая часть княжества Семена перешла во владение Василия III еще при жизни удельного князя. Теперь бывший удел официально оказался под властью великого князя, хотя все же не в полном составе – Серенск достался Юрию Дмитровскому⁴⁰⁷.

Завершая данную главу, мы должны сказать, что восстановить картину жизни и деятельности Семена Калужского сложнее, чем Дмитрия Углицкого, ввиду еще меньшего количества источников. Так, например, крайне скудные сведения дошли до нас о внутренней политике этого князя. Единичные жалованные грамоты не позволяют сделать о ней какие-либо определенные выводы. Тем не менее, следует отметить, что Семен Иванович остался в памяти местного населения, причем в положительном образе храброго и благочестивого правителя. Наибольший интерес вызывают отношения Семена и Василия III. Автор современного исследования о Семене Ивановиче А. Ф. Жохов пишет, что «калужский князь... стремился к соучастию в управлении великим княжеством»⁴⁰⁸. По нашему мнению, вряд ли можно говорить о претензиях Семена на участие в управлении Московским государством. Однако в своем уделе Семен, очевидно, желал сохранить всю полноту политической власти и выражал несогласие с ограничениями своих прав со стороны великого князя. Это и стало причиной конфликта Семена Ивановича и Василия III в 1511 году, вскоре после которого Семен вначале лишился части своего удела, а затем был переведен на жительство в Москву. Вместе с тем, последние годы жизни Семена Ивановича характеризуются вполне нормальными отношениями со старшим братом. Лишенный своего княжества, Семен Иванович, по-видимому, не являлся политическим соперником великого князя. Версию о причастности Василия III к смерти Семена мы находим недостаточно обоснованной.

⁴⁰⁶ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. С. 21.

⁴⁰⁷ *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 189.

⁴⁰⁸ *Жохов А.Ф.* Калуга XVI века и князь Симеон. С. 38.

Заключение

Завершая наше исследование, мы можем сделать несколько выводов о деятельности удельных князей Дмитрия Ивановича Углицкого и Семена Ивановича Калужского. Следует указать на участие этих князей в крупных военных мероприятиях (походы на Смоленск в 1502, 1512, 1513, 1514 годах, на Казань в 1506 году). При этом, вероятно, здесь имел значение их статус как ближайших родственников великого князя, а не полководческие таланты. Что касается внутренней политики удельных князей, то она восстанавливается с трудом из-за недостаточного количества актовых источников. Если относительно Дмитрия Углицкого мы еще можем проследить развитие монастырского и светского землевладения в его уделе, рассмотреть состав его служилой корпорации, то дать какую-либо характеристику внутренней политике Семена Калужского на основании всего

нескольких грамот вряд ли представляется возможным. Тем не менее, мы должны обратить внимание на то, что оба этих князя остались в памяти местного населения, причем в положительном, вероятно, даже несколько идеализированном образе. Можно вспомнить описание плача угличан по князю Дмитрию, приведенное в Типографской летописи, равно как и высокую оценку князя в Угличском летописце. Князь Семен для жителей Калуги запомнился храбрым защитником города от вражеского нашествия и покровителем святого Лаврентия.

Наибольший интерес, как нам кажется, представляет вопрос о взаимоотношениях удельных князей с Василием III. По нашему мнению, и Дмитрий Углицкий, и Семен Калужский, скорее всего, не являлись политическими конкурентами Василия III в борьбе за власть в Московском государстве. Оба князя, вероятно, осознавали, что не имеют достаточных сил, чтобы бросить вызов старшему брату и открыто высказать претензии на участие в управлении государством. Сам Василий III должен был понимать это и вряд ли видел в Дмитрие и Семене непосредственную угрозу великокняжескому престолу. Однако, в своих удельных владениях князья желали по возможности сохранить всю полноту власти (не прибегая при этом к крайним средствам, таким, как вооруженное сопротивление великому князю). Реальное же их положение было неоднозначным. С одной стороны, удельные князья могли самостоятельно проводить земельную политику, выдавая жалованные грамоты, они имели своих бояр, воевод, дьяков – то есть, сохраняли признаки независимости. С другой стороны, Василий III постоянно следил за действиями братьев. Когда великий князь полагал, что кто-либо из них перешел границу дозволенного, то сразу же предпринимал меры. Если Дмитрий Углицкий, поддержавший своих людей в их конфликте с великокняжескими, как мы помним, отделался «выговором», то Семена Калужского разговоры о возможном побеге (вероятно, еще далекие от практической реализации) привели к потере вначале двора, а затем и удела. Весьма жестко утверждая новый порядок правления, Василий III все же

старался избегать прямых столкновений с братьями: послание с упреками Дмитрию Углицкому заканчивается в примирительном тоне, а Семен Калужский, хотя и фактически теряет власть над своим княжеством, но официально получает прощение от государя. Согласно летописным известиям, Василий III был очень опечален кончиной Дмитрия и Семена. Конечно, можно высказать сомнения в искренности великого князя, после смерти братьев расширившего свои владения за счет бывших удельных княжеств. Однако не стоит забывать и о личных взаимоотношениях, не всегда получающих отражение в источниках. Вполне вероятно, что Василий III, хотя и стремился свести на нет политическое значение братьев, все-таки не был лишен родственных чувств по отношению к ним.

В целом, мы полагаем, что наше предположение об актуальности данной темы подтвердилось. В процессе исследования жизненного пути двух, казалось бы, малозначительных персонажей отечественной истории, мы должны были затронуть ряд важных событий и явлений, которые помогают лучше понять ход развития нашей страны в переходный период.

Список сокращений

АЕ	Археографический ежегодник
АИ	Акты исторические
АМСМ	Акты московского Симонова монастыря
АРГ	Акты Русского государства
АСЗ	Акты служилых землевладельцев XV—XVII века
АСЭИ	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
АФЗХ	Акты феодального землевладения и хозяйства
ВМЧ	Великие Минеи Четьи

ДДГ	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РИБ	Русская историческая библиотека
РИО	Русское историческое общество
СККДР	Словарь книжников и книжности Древней Руси
ТКиДТ	Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы
Тр. МГИАИ	Труды Московского государственного историко-архивного института

Список источников

1. Акты XIII - XVII вв., представленные в разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собрал и издал Александр Юшков. Часть I. 1257 - 1613 гг. М., 1898. 416 с.
2. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. I. 1334-1598. СПб., 1841. 551 с.
3. Акты Русского государства 1505-1526 гг. / Сост. акад. С. Б. Веселовский. М.: Наука, 1975. 435 с.
4. Акты служилых землевладельцев XV—XVII века. Том I / Сост. А.В. Антонов, К.В. Баранов. М.: Археографический центр, 1997. 432 с.
5. Акты служилых землевладельцев XV—XVII века. Том II / Сост. А.В. Антонов. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 608 с.
6. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III / Отв. ред. проф. Л.В. Черепнин, том сост. И.А. Голубцовым. М.: Наука, 1964. 687 с.
7. Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря / Сост. Л.И. Ивина. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. 352 с.
8. Акты феодального землевладения и хозяйства. Часть вторая / Подг. к печати А.А. Зимин, отв. ред. Л.В. Черепнин. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 663 с.
9. *Бегунов Ю.К.* «Слово иное» - новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. Т. 20. М.-Л.: Наука, 1964. С. 351-364.
10. Великие Минеи Четвы, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 1-13. Издание Археографической комиссии. СПб., 1868. 672 с.
11. *Гадалова Г.С.* «Летописец о зачатии Бежецкого верха Николаевского Антониева монастыря...» как исторический источник о преподобном

- Антонии Краснохолмском // Историко-краеведческий альманах «Бежецкий край». Вып. № 10. Бежецк, 2014. С. 30-51.
12. *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. Т. I: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского и ранненововерхненемецкого; Т. II: Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты. Под ред. А. Л. Хорошкевич. Русские переводы с латинского А. И. Малеина и А. В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А. В. Назаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776, 656 с.
13. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. / Подг. к печати Л.В. Черепнин, отв. ред. С.В. Бахрушин. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 585 с.
14. Иоасафовская летопись / Под ред. А.А. Зимина, отв.ред. акад. М.Н.Тихомиров. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.
15. Летопись калужская от отдаленных времен до 1841 года / Составил В.В. Ханыков; сообщил архимандрит Леонид. М.: Изд. Имп. Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1878. 131 с.
16. *Лурье Я.С.* Краткий летописец Погодинского собрания // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 431—444.
17. Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. М.Н. Тихомирова и С.О. Шмидта. М.: Изд-во Вост. лит., 1960. 195 с.
18. ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи // Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. 358 с.
19. ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. 301 с.
20. ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. СПб., 1901. 266 с.
21. ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. СПб., 1904. 302 с.

22. ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец) // Полное собрание русских летописей. СПб., 1903. 530 с.
23. ПСРЛ. Т. 20. Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. 418 с.
24. ПСРЛ. Т. 22. Русский хронограф. Часть первая. Хронограф редакции 1512 года // Полное собрание русских летописей. СПб., 1911. 570 с.
25. ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. 241 с.
26. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. 272 с.
27. ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 415 с.
28. ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // Полное собрание русских летописей. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 412 с.
29. ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская Вторая (Архивская) летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1965. 241 с.
30. ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI-XVIII вв. // Полное собрание русских летописей. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. 228 с.
31. ПСРЛ. Т. 39. Софийская Первая летопись по списку И.Н. Царского // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1994. 208 с.
32. ПСРЛ. Т. 40. Густынская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 202 с.
33. ПСРЛ. Т. 43. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // Подг. текста О.Л. Новиковой. М., ЯСК. 2004. 367 с.
34. Разрядная книга 1475-1598 гг. / Подг. текста, вв. статья и ред. В.И. Буганова, отв. ред. акад. М.Н. Тихомиров. М.: Наука, 1966. 614 с.
35. Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. I. Ч. I / Сост. Н.Г. Савич; под ред. и с предисл. В.И. Буганова. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1977. 188 с.

36. Русская историческая библиотека. Т. 32: Архив П.М. Строева. Т. I. Пг., 1915. 360 с.
37. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год) / Изд. под. ред. Г.Ф. Карпова. СПб., 1882. 870 с.
38. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Т. I (с 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России) / Изд. под. ред. Г.Ф. Карпова. СПб., 1884. 558 с.
39. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подг. к печати А.А. Зимин. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 457 с.
40. Угличские акты. (1400-1749 г.г.) / Публ. и авт. предисл.: Сергей Шумаков. М., 1899. 236 с.
41. Угличский летописец / Отв. ред. А.А. Севастьянова; подгот. текста Я.Е. Смирнова. Ярославль, 1996. 184 с.
42. Хроника Быховца / Отв. ред. М.Н. Тихомиров; предисл., коммент. и пер. Н.Н. Улащика. М.: Наука, 1966. 155 с.

Список литературы

1. *Аксанов А.В.* Московско-казанские отношения (1445-1552 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Тюм. гос. ун-т, Тюмень, 2011. 275 с.
2. *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. 2-е изд. СПб.; Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. 464 с.
3. *Амвросий (Орнатский).* История российской иерархии. Ч. VI. М., 1815. 1148 с.
4. *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. Серия: Памятники русской исторической мысли. М., Территория, 2001. 542 с.
5. *Бенцианов М.М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей русского государства в конце XV – середине XVI в.: дисс. ... канд. ист. наук. РАН, Уральское отд., институт истории и археологии, Екатеринбург, 2000. 312 с.
6. *Богданов Д.П.* Князь Симеон Иоаннович Калужский // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Вып. XXII. 1913 год. Изд. под ред. В.И. Асонова. Калуга, 1914. С. 1-14.
7. *Волков В.А.* Битва на Оке 1512 года. Русский потомок Палеологов Семен Иванович Калужский и Христа ради юродивый Лаврентий // X Пасхальные чтения: материалы Десятой научно-методической конференции "Гуманитарные науки и православная культура" / М-во образования и науки Российской Федерации, Московский пед. гос. ун-т, Ист. фак., Филологический фак., Учеб.-науч. филологический центр. М., 2012. С. 157-161.
8. *Горолевич И.Е.* «Сеча на водах Оки» у города Калуги в 1512 году // Военно-исторический журнал. М., 2012. № 5. С. 76-78.
9. *Жохов А.Ф.* Калуга XVI века и князь Симеон / Андрей Жохов; М-во образования, культуры и спорта Калуж. обл., Калуж. обл. ин-т повышения квалификации работников образования. Калуга: КОИПКРО, 2008. 76 с.

10. *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль, 1972. 452 с.
11. *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV-XVI столетий (очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982. 333 с.
12. *Зимин А.А.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М.: Наука, 1977. С. 161-188.
13. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988. 350 с.
14. *Иванов В.А.* Святой праведный Лаврентий Калужский и монастырь его имени (некоторые итоги и задачи изучения) // Монастыри в жизни России. Материалы научной конференции, посвященной 600-летию преподобного Пафнутия Боровского и 550-летию основания им Рождества Богородицы Пафнутьев-Боровского монастыря (19-20 апреля 1994 года). Составитель В.И. Осипов. Калуга; Боровск, 1997. С. 221-230.
15. *Ивина Л.И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в.: Историко-географическое исследование по материалам монастырей / Л.И. Ивина; отв. ред. Н.Е. Носов. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. 272 с.
16. *Карамзин Н.М.* Полная история государства Российского в одном томе. М.: АСТ; Астрель, 2010. 1568 с.
17. *Карпов Г.Ф.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462-1508 / Вступ. сл. Л.Е. Морозовой. М.: Кучково поле, 2015. 448 с.
18. *Каштанов С.М.* Из истории последних уделов // Тр. МГИАИ. Т. 10. М., 1957. 257-302.
19. *Каштанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI века. М.: Наука, 1967. 392 с.
20. *Каштанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века [Часть первая] // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 302-376.
21. *Киссель Ф.Х.* История города Углича. Ярославль, 1844. 426 с.

22. *Кистерев С.Н.* К истории калужско-бежецкого удела в начале XVI века // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: сборник статей / Академия наук СССР, Институт истории СССР; отв. ред. Тартаковский А.Г. М., 1990. С. 16-20.
23. *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. / М.М. Кром. 2-е изд., испр. и доп. М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 320 с.
24. *Куницына Ю.Б.* С тенью прав князя владетельного... // Углече Поле. Углич, 2013. № 18. С. 48-53.
25. *Леонид (Кавелин).* Историческое описание Калужского Лаврентьева монастыря, нынешнего Калужского архиерейского дома, и принадлежащей к оному Крестовской церкви. Калуга, 1906. 96 с.
26. *Малинин Д.И.* Из Калужской старины. Вып. 1. Калужское общество истории и древностей. Калуга, 1925. 34 с.
27. *Назаров В.Д.* Дмитрий Иванович // Православная энциклопедия. Т. XV. М., 2007. С. 442-445.
28. *Пенской В.В.* «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 году // Военно-исторический журнал. М., 2012. № 10. С. 73-79.
29. *Пуцко В.Г.* Иконы с изображениями калужских святых // Тысячелетие Крещения Руси: Русь в Европе: Материалы Междисциплинарного и Экуменического симпозиума в г. Галле в Саксонии 13-16 апреля 1988 г. Лейпциг, 1993. С. 517-539.
30. *Романова А.А.* Чудеса Лаврентия Калужского // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т-Я. Дополнения. СПб, 2004. С. 238-240.
31. *Савосичев А.Ю.* Дьяки и подьячие XIV-XVI веков: происхождение и социальные связи. Том 1: дисс. ... докт. ист. наук. ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», Орел, 2015. 266 с.
32. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. 1463-1584. Кн. III. Тома 5-6. М.: АСТ, 2008. 991 с.
33. *Филюшкин А.И.* Василий III. М.: Молодая гвардия, 2010. 346 с.

34. *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Издание 3-е, дополненное. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Казань. Комбинат изд-ва и печати, 1923), М.: ИНСАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991. 320 с.

35. *Экземлярский А.В.* Угличские владетельные князья. Ярославль, 1889. 74 с.